

Баллантайн Р.

**МИР ЛЬДОВ
КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВ**

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Роберт Баллантайн

Мир льдов. Коралловый остров

«Алгоритм»

1857, 1860

УДК 821.111(411)

ББК 84(4Вл)

Баллантайн Р. М.

Мир льдов. Коралловый остров / Р. М. Баллантайн —
«Алгоритм», 1857,1860 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03752-8

Роберт Майкл Баллантайн (1825–1894) – шотландский писатель. Некоторое время работал в Канаде, в Компании Гудзонова Залива, участвовал в операциях против местных индейцев. По возвращении на родину он пробовал себя во многих профессиях, а в 1842 г. появляется «Жизнь в дебрях Северной Америки» – автобиографическая книга, где автор описывает свои приключения в Канаде. После этого Баллантайн целиком посвящает себя литературному труду. В первых его книгах описывается жизнь в Канаде, в более поздних – приключения в Англии, Африке и других местах. В этом томе публикуются два произведения Баллантайна. В романе «Мир льдов» молодой моряк Фред Эллис в поисках своего без вести пропавшего отца становится членом экипажа китобойного судна, отправляющегося на промысел в полярные широты. Команде «Дельфина» придется преодолеть ледяной ад, чтобы достичь желанной цели. «Коралловый остров» – самая известная книга Баллантайна. В ней описываются приключения трех английских мальчиков, потерпевших кораблекрушение у берегов острова в Тихом океане; их жизнь, полная опасных приключений, и победа воли и силы духа над, казалось бы, непреодолимыми трудностями.

УДК 821.111(411)

ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-03752-8

© Балантайн Р. М., 1857,1860

© Алгоритм, 1857,1860

Содержание

Мир льдов	6
Глава I	6
Глава II	13
Глава III	16
Глава IV	21
Глава V	25
Глава VI	31
Глава VII	37
Глава VIII	42
Глава IX	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Роберт Майкл Баллантайн

Мир льдов. Коралловый остров

Мир льдов

Приключения экипажа

«Дельфина» в полярных широтах

Глава I

Некоторые из действующих лиц. – Несколько слов о предшествовавших событиях. – Детство нашего героя на море. – Пират. – Страшная битва и ее последствия. – Боззби ставит свой румпель в середине корабля. – Корабль отправляется на китовую ловлю

Никому никогда не удалось застать Джона Боззби спящим. Лисица, самый чуткий зверек, не может сравниться с ним. Где бы ему ни случилось быть (а в течение своей обильной приключениями жизни Боззби побывал на всех континентах), он просыпался раньше всех и позже всех засыпал. Он всегда тотчас отвечал на первый зов, и никто не мог припомнить, чтобы когда-нибудь видел его с закрытыми глазами, разве что когда он мигал, да и это он делал реже, чем всякий другой.

Джон Боззби был настоящий моряк старой школы, родившийся и выросший на море. Он изведal бесчисленное множество иноземных портов; выдержал столько бурь, что и сосчитать не мог, и видел столько замечательного, что всего не мог удержать в памяти. Он был седоволосый, сильный, крепкого телосложения, невысокого роста, но широк в плечах, почти квадратный, – настоящий Джон Буль. Он почти всегда щурил один глаз, что придавало его лицу выражение важного глубокомыслия, смешанного с юмором. Боззби любил, когда его считали стариком; он и в самом деле казался гораздо старше, чем действительно был. На вид ему давали пятьдесят пять лет, но ему было только сорок пять, и он оставался так же крепок и мускулист, как и в молодости, хотя члены его потеряли уже былую гибкость.

В один прекрасный день Джон Боззби стоял на набережной Грейтонской гавани, наблюдая за деятельным движением экипажа одного китоловного корабля, готовящегося отправиться в скованные льдом моря полярных стран, и делал разные замечания дюжему белокурому юноше лет пятнадцати, который стоял возле него и смотрел на корабль с выражением глубокой грусти.

– Судно превосходное, построено прекрасно, я бы не прочь на нем отправиться в море, – заметил было моряк, – но оно слишком мало; оно должно бы быть по крайней мере вдвое больше, насколько мне известно, – а я таки видывал китоловные корабли на своем веку. И нос его едва ли достаточно прочен, чтобы быть в состоянии пробиваться сквозь льды Девисова пролива. Впрочем, я встречал китоловные судна и похуже этого, которые успешно занимались своим промыслом в полярных морях.

– У вас слишком преувеличенное мнение о своем знании дела, – возразил юноша. – Это судно – образцовое во всех отношениях. Неужели вы думаете, что мой отец, который постарше вас и такой же хороший моряк, как и вы, купил бы корабль, снарядил его и сам отправился на нем на китоловный промысел, если бы не находил его годным?

– Не тебе бы, дружище, насмеяться над стариком, который был для тебя всем, разве что не кормилицей. Не я ли учил тебя и ходить, и плавать, владеть веслом, строить корабли с

того времени, когда ты еще только начал держаться на своих двоих с видом человека, который исходил большую половину морей; не я ли вытащил тебя из моря, когда ты упал с корабля?

– Друг Боззби, – ответил юноша, смеясь, – если ты был для меня всем этим, то был также и моей кормилицей! Но зачем же ты порочишь корабль моего батюшки? Неужто ты думаешь, что я в состоянии это так спустить? Никому и никогда, даже тебе, старик.

– Эй, малый! – послышался голос с палубы корабля, о котором шла речь. – Сбегай, скажи своему батюшке, что все готово, и что если он не поторопится, то прилив спадет и мы принуждены будем отложить отъезд до пятницы. Ну, наостри же лыжи, да проворнее, ну же, что встал!

– Что он там горланит? – отозвался Боззби. – Я бы согласился лучше пахать землю, чем отправиться в море на корабле, где старший лейтенант такой болван. Прими за правило, Фред, никогда не говорить чересчур много, что бы ты ни делал. Мое правило – и оно необыкновенно хорошо служило мне в продолжение всей моей жизни, – мое правило: гляди в оба, а язык держи за зубами, когда нет надобности употреблять его в дело. Если бы этот болтун поменьше говорил, а побольше смотрел, то он бы увидел, что твой батюшка идет по дороге прямо сюда, в сопровождении своей старой сестры.

– Как бы мне хотелось, чтоб он позволил мне отправиться с ним, – с горестью бормотал про себя Фред.

– Нечего об этом думать, – заметил его собеседник. – Капитан так же непреклонен, как северо-восточный ветер. Ничто в мире не может изменить его воли, если он уже ее высказал, разве только постоянный юго-западный ветер. Если бы ты был моим сыном, а это крепкое судно – моим кораблем, то я бы сказал: садись, плывем. Но твой батюшка знает больше твоего, а ты, как хороший сын, слушайся его приказаний без рассуждений. Вот мое другое правило: слушайся приказаний и не рассуждай.

Между тем приближался Фредерик Эллис, нашептывая своей плачущей сестре слова утешения. Ему было в настоящее время, может быть, лет пятьдесят. Это был красивый, здоровый, смелый и добродушный англичанин, с лысой головой, седыми усами, громким, звучным голосом, несколько живым характером, добрым, честным, восторженным сердцем. Подобно Боззби, он провел почти всю свою жизнь на море и так привык ходить по этой зыбкой почве, что чувствовал себя неловко на твердой земле, и никогда не оставался на берегу больше нескольких месяцев сряду. Он был человек хорошо образованный, с прекрасными манерами. Служа на морской службе, он мало-помалу добился того, что сделался командиром одного купеческого корабля, плавающего в Вест-Индию.

Несколько лет раньше того времени, с которого начинается наш рассказ, случилось происшествие, которое совсем изменило течение жизни капитана Эллиса и на долгое время погрузило его в глубочайшее горе – это потеря жены в море, при обстоятельствах чрезвычайно печальных.

На тридцатом году капитан Эллис женился на хорошенькой голубоглазой девушке, которая положительно отказывалась сделаться невестой моряка, если ей не будет позволено сопровождать мужа в его странствованиях. На это согласились без больших затруднений, и Алиса Бремнер сделалась миссис Эллис и отправилась в море. Во время ее третьего путешествия в Вест-Индию родился наш герой Фред, у которого во время этого и следующих путешествий Боззби был «всею, кроме кормилицы».

Миссис Эллис была милой любящей женщиной с серьезным умом. Она посвятила всю себя воспитанию мальчика и проводила много часов в маленькой, зыбкой каюте, стараясь внушить своему дитяти благословенные христианские истины и ознакомить его ухом с именем Иисуса. Когда Фред несколько вырос, мать поощряла его дружбу с моряками, потому что научилась ценить храбрый мужественный дух, но она заботилась о том, чтобы предохранить его от дурного влияния матросов, и поручила его нежной заботливости Боззби. Но, нужно

отдать справедливость матросам, эта предосторожность была почти излишней, потому что они знали, что бдительная мать всегда присматривает за ребенком, и не позволяли себе ни одного неосторожного слова, когда он резвился на форкастеле¹. Когда пришло время послать Фреда в школу, миссис Эллис оставила свою скитальческую жизнь и поселилась в своем родном городе Грейтоне, где она жила вместе со своей вдовой золовкой, Эмилией Брайт, и племянницей Изабеллой. Здесь Фред получил превосходное первоначальное образование в одном частном пансионе. На двенадцатом году господин Фред заупрямился и в один из периодических приездов отца просил взять его с собой в море. Капитан Эллис согласился; миссис Эллис настояла на том, чтобы и ее взяли, и через несколько, недель они еще раз сошлись все вместе в своем старом доме – океане, и Фред наслаждался родным воздухом в обществе своего друга Боззби, который никогда не покидал своего старого корабля.

Но этому путешествию не суждено было кончиться счастливо. Когда они уже пересекли экватор, однажды вечером заметили подозрительное судно, которое несло прямо на них на всех парусах.

– Что вы думаете об этой шхуне, Боззби? – спросил его капитан Эллис, передавая ему зрительную трубу.

Боззби некоторое время смотрел молча и сжав губы, потом возвратил трубу и пробормотал:

– Пират...

– И мне так показалось, – сказал капитан, понизив голос. – Нам остается одно, Боззби, – продолжал он, глядя на свою жену, которая, не зная ничего об опасности, сидела у гакаборта за шитьем, – нам остается сражаться до последнего, потому что эти люди не знают пощады. Иди приготовь экипаж и достань оружие. Я пойду поговорю с женой.

Боззби отправился, но у капитана не хватило духу сообщить своей жене об опасности; он в нерешительности быстро прошелся по кормовой палубе три или четыре раза взад и вперед, пока собрался с духом подойти к жене.

– Алиса, – сказал он наконец отрывисто, – судно, которое виднеется там вдали, – пиратское.

Миссис Эллис взглянула на него с удивлением, и лицо ее побледнело, когда глаза встретились со смущенным взглядом мужа.

– Ты совершенно уверен в этом, Фредерик?

– Да, совершенно. О, если бы Богу было угодно, чтобы я один достался этим... но нет, не печалься, может быть, я ошибаюсь, может быть, это купеческое судно. Если же нет, Алиса, то мы должны будем вступить в сражение и попытаемся испугать их. Ты же должна идти вниз.

Провожая свою жену в каюту, капитан старался ее ободрить, но его лицо и озабоченный взгляд слишком выражали истину, чтобы миссис Эллис не могла заметить, что дело гораздо хуже, чем ей его представляют. Прижав жену к груди, капитан Эллис выскочил на палубу.

Между тем известие разнеслось по всему кораблю. Матросы, числом более тридцати, разделились по группам, по четыре или пять человек, и серьезно рассуждали об опасности, остра и привязывая сабли или заряжая пистолеты и карабины.

– Стройте экипаж, мистер Томпсон, – сказал капитан, шагавший взад и вперед по палубе, бросая по временам взгляд на пиратскую шхуну, которая быстро приближалась к кораблю, – да пошлите баталера за моим мечом и пистолетами. Скажите экипажу, чтобы он проворней готовился, не теряя ни одной минуты: нам предстоит горячее дело.

– Я схожу за вашим мечом, батюшка, – крикнул Фред, который только что взбежал на палубу.

– Ты, дитя мое, должен оставаться внизу; здесь тебе нет никакого дела.

¹ Форкастель – навесная палуба (небольшой помост) в носовой части парусного судна.

– Но вы знаете, батюшка, что я не испугался!

– Я это знаю, дитя мое; я это хорошо знаю; но ты слишком молод для того, чтобы сражаться; у тебя нет достаточно сил для этого; да, кроме того, ты должен успокаивать мать; твое отсутствие сильно взволнует ее.

– Я не так молод и не так слаб, чтобы не быть в состоянии зарядить пистолет и выстрелить; я слышал, как один из матросов сказал, что все руки, какие у нас есть, нужны на борту, и даже понадобилось бы больше, если бы были. Кроме того, сама матушка рассказала мне, что здесь у вас происходит, и послала меня на палубу помогать вам сражаться.

Гордость мгновенно засияла на лице капитана, когда он сказал поспешно: «В таком случае можешь оставаться здесь», – и обратился к экипажу, собравшемуся на кормовой палубе.

Обращаясь к команде со свойственной ему грубой, но сильной речью, он сказал:

– Ребята, та подлая шхуна – пират, как вам всем достаточно известно. Мне незачем спрашивать, готовы ли вы к сражению, потому что я по вашим взглядам вижу, что вы готовы. Но этого еще недостаточно – вы должны подготовиться хорошо сражаться. Вам известно, что пираты не дают никакой пощады. Я вижу, что их палубы кишат людьми. Если вы не броситесь на них, как бульдоги, то до солнечного заката все вы отправитесь гулять за борт. Теперь за дело, заряжайте ружья, пистолетов заткните за пояса столько, сколько они в состоянии удерживать. Мистер Томпсон, прикажите пушкарю зарядить маленькую пушку мушкетными пулями по самое дуло и четыре больших пушки. Если они попробуют взобраться на борт, то встретят горячий прием.

– Ядро летит, сэр, – сказал Боззби, показывая на пиратскую шхуну, с бока которой вырвалось белое облако, и круглое ядро, отразившись от поверхности моря, пролетело над носом корабля, чуть не задев его.

– Да это нам предлагают лечь в дрейф, – сказал капитан с желчью, – но мы не ляжем... Держи от них на градус в сторону!

– Да-да, сэр, – сказал рулевой.

Последовали второй и третий выстрелы, но они были оставлены без внимания, и капитан, будучи вполне уверен, что последует еще один, отдал приказание людям сойти вниз.

– Нам нельзя потерять ни одного человека, мистер Томпсон. Посылайте всех вниз.

– С вашего позволения, сэр, можно мне остаться? – сказал Боззби, снимая шапку.

– Слушайте приказаний, – ответил капитан сухо.

Моряк с сердитым видом пошел вниз.

Почти целый час два судна были в виду друг друга, гонимые постоянным легким ветром; в течение этого времени быстрая шхуна постепенно догоняла тяжелый «Вест-Индиец», пока наконец не приблизилась к нему на такое расстояние, что можно было разговаривать. Капитан Эллис все еще не обращал на него никакого внимания. Он стоял с сжатыми губами позади рулевого и смотрел попеременно то на паруса своего корабля, то в наветренную сторону горизонта, где, ему казалось, заметны были признаки, заставлявшие думать, что ветер прекратится надолго.

Когда шхуна приблизилась, с нее раздался трубный голос:

– Эй, корабль, откуда вы и что у вас за кладь?

Капитан Эллис не дал никакого ответа, но приказал четырем человекам явиться на палубу, чтобы навести одну из ретирадных пушек.

Снова по волнам пробежал грубый голос, как будто в гневе:

– Ложитесь в дрейф, или я вас потоплю!

В то же мгновение черный флаг взвился вверх и ядро пролетело между грот-мачтой и фок-мачтой.

– Наводите пушку, – сказал капитан.

– Да-да, сэр!

– Принесите раскаленное докрасна железо; поджигай еще немножко... так!

Раздался гул, и железный посланец полетел к шхуне. Выстрел был сделан больше в ответ на вызов пирата, нежели с целью причинить ему какой-нибудь вред, но был направлен хорошо – он надвое рассек грот-рею, которая с треском упала на палубу.

Тотчас пираты стали бегать из стороны в сторону и сделали залп, но вследствие смятения на палубе пушки были плохо наведены и ни один выстрел не имел успеха. Время, потерянное пиратами на эти бесполезные маневры, и повреждение шхуны дали возможность «Вест-Индийцу» взять значительный перевес над врагом. Но пираты продолжали палить из своих погонных пушек, и некоторые хорошо направленные ядра серьезно повредили корпус корабля и снасти. Когда солнце стало спускаться к горизонту, ветер делался слабее и слабее и наконец настала совершенная тишь, так что оба корабля стояли неподвижно с повисшими парусами и качались на зыби.

– Они спускают боты, сэр, – сказал Джон Боззби, который, будучи не в силах удерживать себя дальше, выполз на палубу, рискуя вторично подвергнуться выговору, – и если глаза не обманывают меня, то в наветренной стороне, то есть в той, откуда перед штилем дул ветер, на горизонте показывается корабль.

– Ветер несет его к нам, – заметил капитан, – но я боюсь, что шлюпки нападут на нас прежде, чем он подплывет. Три уже на воде и экипированы. Вот уже плывут. Зови всех наверх...

В несколько секунд экипаж «Вест-Индийца» встал по местам, готовый к делу, а капитан Эллис с Фредом стояли возле одной из ретиральных пушек. Между тем пять пиратских шлюпок отплыли по различным направлениям с очевидным намерением напасть на корабль с разных мест. Они были наполнены людьми, вооруженными с головы до ног. Между тем как они плыли к кораблю, со шхуны возобновили огонь, и одно ядро рассекло мачту и слегка ранило осколками двух матросов. Корабль направил свои пушки на шлюпки, но без всякого успеха, – ядра падали в воду вокруг них, не причиняя им вреда. Когда они подплыли ближе, с корабля открыли по ним сильную ружейную пальбу. Внезапное падение весел и происходившее по временам смятение показывало, что пули не пропадали даром. Пираты бойко отвечали, но без успеха, потому что экипаж корабля был защищен оградой.

– Передай приказание заряжать и поддерживать огонь, да дай мне мое ружье, Фред, – сказал капитан. – Заряжай всякий раз, как я буду стрелять.

Сказав это, капитан прицелился и выстрелил. Рулевой самой большой шлюпки свалился.

– Давай другое ружье, Фред.

В это мгновение на шлюпки посыпался град пуль, и за гулом последовал дикий стон; гребцы, однако, были невредимы. Они остановились на некоторое время, но тотчас же оправились. Еще один взмах весел, и они достигли бы борта; но капитан Эллис навел небольшую каронаду² и выпалил. Последовал ужасный гул; пушка сильно подалась назад, и пиратская шлюпка пошла ко дну, оставляя на поверхности воды убитых и раненых. Немногие, однако, жизнь которых, казалось, была заколдована, взяли свои сабли в зубы и храбро подплывали к кораблю. Это происшествие, к несчастью, слишком привлекло к себе внимание экипажа, который вследствие этого не успел воспрепятствовать другой шлюпке пристать к носу корабля и высадить свою команду. Пиратские матросы, как кошки, вспрыгнули на борт, выстроились на форкастеле и открыли огонь.

– За мной, ребята! – крикнул капитан и как тигр бросился вперед.

Первый попавшийся ему навстречу упал от пули его пистолета; в следующее мгновение обе стороны сошлись и завязался рукопашный бой. Между тем Фред, на которого последствия выстрела из маленькой каронады произвели сильное впечатление, успел поднять ее и зарядить

² Каронада – гладкоствольное артиллерийское орудие большого калибра с укороченным стволом.

опять. Едва он успел исполнить это, как одна из шлюпок пристала к бакборту, и два человека уже лезли на борт. Фред заметил это и повалил первого из них, прежде чем он успел взобраться на палубу. Другой пират, который вмиг очутился на палубе, непременно убил бы его, если бы не подоспел к нему на помощь младший лейтенант, державшийся с несколькими людьми вдали от рукопашного боя, на случай нападения с другой стороны. Он бросился на пиратов и оттеснил их назад в шлюпку, но пристали еще две другие шлюпки, и матросы уже высаживались на форкастель. Хотя экипаж «Вест-Индийца» сражался с отчаянной храбростью, но он не мог устоять против возраставшего числа пиратов, которые теперь густой массой толпились на передней части корабля. Экипаж «Вест-Индийца» вынужден был постепенно отступать назад и наконец был оттеснен на кормовую палубу.

– Помогите, батюшка! – кричал Фред, пробиваясь сквозь сражающуюся толпу. – Вот каронада, уже заряженная!

– Ну да молодец! Прекрасно придумал! – воскликнул капитан, схватившись за пушку и таща ее вперед при помощи Боззби, который ни на минуту не удалялся от него. – Прочищай дорогу, ребята.

В одно мгновение маленькая пушка была наведена на самый центр столпившейся массы неприятелей и выстрелила. Поднялся ужасный стон, заглушивший шум битвы, когда сквозь густую толпу был пробит широкий просвет. Но это, казалось, только еще больше разъярило оставшихся в живых. С диким криком они бросались на кормовую палубу, но капитан и окружавшие его люди отбивались. Наконец один пират, который в продолжение всего сражения обнаруживал наибольшую силу и отвагу, сделал решительный шаг вперед и, наведя пистолет на капитана, выстрелил. Капитан Эллис упал, но в то же время другая пуля повалила и пирата. Фред бросился оборонять своего отца, но упал и попал под ноги сражающейся толпы, а через две минуты корабль был уже во власти пиратов.

Разъяренные сопротивлением, негодяи продолжали неистовствовать на палубе, между тем как некоторые из них сбежали в каюту, где нашли миссис Эллис, полумертвую от ужаса. Вытащив ее на палубу, они собирались уже кинуть ее в море, как вдруг Боззби, связанный по рукам, внезапно разорвал свои путы и бросился ей на помощь, но пистолетная пуля поразила его и он упал без чувств.

– Где мой муж? Мое дитя? – дико кричала миссис Эллис.

– Они последуют за тобой, если не успели отправиться раньше тебя, – свирепо ответил разбойник, подняв ее своими могучими руками и швыряя через борт. За ее громким криком последовал глухой плеск волн.

В то же время два пирата подняли капитана и уже собирались бросить его тоже, как вдруг раздался громкий гул и пушечное ядро упало в море перед самым носом корабля.

В пылу битвы никто не заметил, что поднялся ветер и большой военный корабль подплыл на расстояние пушечного выстрела от «Вест-Индийца». Лишь только пираты заметили это, тотчас бросились к шлюпкам, чтобы грести к своей шхуне. Но те, кто оставался на ней, видя приближение фрегата и понимая, что их товарищам нет никакой возможности спастись, а может быть, что более вероятно, не беспокоясь об их судьбе, натянули все паруса и ударились бежать, и теперь уже шхуна чуть виднелась на горизонте в подветренной стороне. Покинутые пираты с энергией отчаяния налегли на весла, чтобы догнать ее, но американцы пустились в погоню и, едва ли нужно прибавлять, в короткое время всех захватили в плен.

Когда фрегат соединился с «Вест-Индийцем», уже настала ночь и поднялся сильный ветер, так что продолжительные и тщательные розыски тела несчастной миссис Эллис оказались совершенно напрасными. Капитан Эллис, тяжело раненный, как громом поражен был этим известием, и долгое время жизнь его висела на волоске. В продолжение его болезни Фред ухаживал за ним с самой нежной старательностью и в заботах об облегчении страданий своего отца нашел некоторое успокоение для своего разбитого сердца.

Прошло несколько месяцев. Капитана Эллиса отвезли в Грейтон, где под присмотром его сестры и маленькой племянницы, Изабеллы, его здоровье и сила восстановились. Для людского глаза капитан Эллис и его сын теперь снова были теми же; но тот, кто судит о человеческом сердце по одной внешности, из десяти девять раз ошибается. Оба они сильно переменились.

Капитан Эллис не в состоянии был снова принять команду над своим старым кораблем или же отправиться в Вест-Индию. Он решился переменить место своих подвигов и плыть в ледовитые моря, где ни один предмет, даже самый океан, не мог бы ему напомнить о его потере.

Через некоторое время по выздоровлении капитан Эллис купил бриг, снарядил его для китовой ловли и решился испытать счастья в северных морях. Фред долго упрашивал отца взять его с собой, но отец, понимая, что для него нужнее отправиться в школу, чем в море, отказал ему. Вздыхнув, Фред покорился воле отца. Боззби, который привык всегда следовать за капитаном Эллисом, очень хотелось также и теперь сопровождать своего старого командира, но Боззби, вследствие внезапного и страшного припадка нежности, два месяца тому назад женился на женщине, которую вполне можно описать следующими словами: «жирная, красивая и здоровая». Эта-то жена Боззби решительно запретила ему отправиться в море. Увы! Боззби уже не был господином своей воли. На сорок пятом году жизни он сделался, как он сам выражался, презренным рабом и скорее бы решился плыть прямо в зубы экваториальному урагану, чем перечить в чем-нибудь своей жене. Он угрюмо вздыхал, когда кто-нибудь заводил с ним разговор об этом предмете, и сравнивал себя с голландским галиотом, который больше ходит в дрейф, чем прямо вперед, даже когда ветер дует в корму. «Было время, – говаривал он, – когда я плывал прямо в глаза ветру, но с тех пор как я взял на буксир это судно, я как кадка попятился в подветренную сторону. В самом деле, я нахожу только одно средство идти вперед – это идти туда, куда дует ветер! Сначала я таки было заартачился и стал лавировать с одной стороны в другую, но в день или два она выбила мне из головы эту прыть. Чуть только я поворачивал румпель вправо, она тотчас хватала за буксирный канат и тащила корабль в сторону ветра. Я принужден был сдаться и поставил румпель посредине корабля».

Итак, Боззби не сопутствовал своему старому командиру, он не смел даже и думать об этом. Когда красивый бриг распустил паруса и пустился по ветру, он только торжественно покачивал головой, стоя на набережной с Фредом, миссис Брайт и Изабеллой и пристально смотря на бриг.

Глава II

Отплытие корабля в полярные воды. – Основательные рассуждения миссис Брайт и прощательные замечания Боззби. – Беспокойство, опасения, догадки и решение. – Изабелла. – Предположение поисков. – Отплытие «Дельфина» на далекий север

Разлуки всегда как нельзя более неприятны, и мы сожалеем теперь, что начали нашу книгу разлукой. Но иногда разлуки необходимы, поэтому мы должны попросить у нашего читателя извинения и напомнить ему, что мы только начали рассказ и стоим у пристани, следя за отплывающим китоловным кораблем, «Полярной звездой», который в настоящее время кажется пятнышком, едва приметным на горизонте.

Когда корабль исчез, Боззби издал стон, Фред и Изабелла вздохнули, а миссис Брайт разразилась слезами, которые она на некоторое время бессознательно приостановила.

– Я боюсь, что мы его не увидим больше, – рыдая, произнесла миссис Брайт, потом взяла за руку Изабеллу и медленно побрела домой, сопровождаемая Фредом и Боззби, из которых последний, казалось, представлял себя косматой ньюфаундленской собакой или бульдогом, оставленным для того, чтобы стеречь это семейство. – Мало ли случается слышать о гибели китоловных кораблей, и мы никогда еще не слышали, чтобы спасся экипаж, когда гибнет судно, как это всегда бывает в описаниях.

Изабелла взяла руку матери и посмотрела ей в лицо с таким выражением, из которого легко можно было прочесть: не беспокойтесь, маменька, я уверена, что он возвратится; но она не могла найти слов высказаться и взглянула на «бульдога», как будто ожидая от него помощи.

Боззби чувствовал, что теперь его очередь сказать что-нибудь утешительное, но миссис Брайт находилась в таком положении, что ее трудно было утешить, и потому Боззби пришел в смущение. Он прищурил сначала правый глаз, а потом левый и ударил себя несколько раз по бедру. И если бы миссис Брайт в состоянии была развлекаться искривленной физиономией Боззби, то она, вероятно, возвратилась бы домой счастливой женщиной, потому что в продолжение целых пяти минут он строил ей ужасные рожи; но все усилия Боззби оставались тщетными, может быть, потому, что она не замечала его, так как глаза ее были полны слез.

– Ах да! – продолжала миссис Брайт, заливаясь слезами. – Я знаю, что они не возвратятся больше, и ваше молчание показывает, что вы с этим согласны. Уже то обстоятельство, что они взяли с собой на два года продовольствия «на всякий случай», не достаточно ли доказывает, что им могут встретиться разные случаи? Притом же, не собственными ли я ушами слышала, как один моряк сказал, что этот корабль с трещиной, что он первый номер? Я не понимаю, что значит первый номер, но из того, что корабль с трещиной, я уже знала, что он больше не возвратится. И, хотя я и говорила об этом брату и советовала ему не ехать, но он только посмеялся надо мной, – это очень жестоко с его стороны, – и потому я уверена...

Чувство опять взяло верх над миссис Брайт и помешало ей говорить дальше.

– Ну что ж, тетушка, – сказал Фред, едва удерживаясь от смеха, несмотря на грусть, овладевшую им, – если моряк сказал, что корабль с трещиной, то это означало, что корабль хорош, первый сорт.

– Зачем же он не объяснил, что он хотел этим сказать? Впрочем, вздор ты говоришь, любезный. Неужели ты думаешь, что я поверю, чтобы человек называл вещь хорошей, если она повреждена, и я уверена, что никто не станет утверждать, что надломанный чайник так же хорош, как и целый. Но скажите мне, Боззби, думаете ли вы, что они когда-нибудь возвратятся назад?

– Гм... стало быть, думаю! – отвечал Боззби с жаром. – Потому что отчего бы им в самом деле не возвратиться? Если они не возвратятся, то они будут первые, кто на моей памяти отпра-

вился из этого порта и не возвратится назад. У них и корабль надежный, и съестных припасов вдоволь, и погода, кажется, хороша, а главное, капитан Эллис необыкновенно счастлив; при том же и в море они вышли при попутном ветре, и пятницу строго соблюдали: чего же вам больше? Дай бог и мне путешествовать при таких благоприятных обстоятельствах!

Произнося эти слова, Боззби прищурил левый глаз, оставив правый открытым. А потом, кончив речь, он зажмурил правый глаз и открыл левый; он сделал это как будто для того, чтобы показать, что кончил свою речь и предоставляет говорить другим. Но слова его были брошены на ветер и не подействовали на миссис Брайт. Она рассуждала редко, и если рассуждала, то не иначе, как с крайним энтузиазмом; это бывало всегда, когда она вызывалась защищать какую-нибудь нелепейшую мысль о каком бы то ни было предмете, которого ее слабый ум не в состоянии был понимать. Она только покачала головой и пожелала счастливого пути Боззби, так как они подошли к грязному переулку, который вел к ее домику, расположенному за зеленым холмом, закрывавшим собой дом и море.

Между тем Джон Боззби вспомнил, что он запоздал домой, что уже более получаса прошло с того времени, в которое он обыкновенно обедал, и что хотя он и поставил румпель посреди корабля, но он слишком удалился от своего пути; поэтому он натянул все паруса, какие только нес на себе, и направил их по ветру, прямо к деревне, где в маленькой, низенькой, хорошо выбеленной хижине с одной дверью и двумя окнами жена и обед давно ожидали его.

Чтобы долго не распространяться, скажем только, что прошло уже три года, а «Полярная звезда» все не возвращалась и ничего ровно нельзя было узнать о ней от различных кораблей, посещавших Грейтонскую гавань. К концу второго года Боззби стал с отчаянием качать головой, а когда и третий год прошел, то выражение уныния перестало покидать его честное, давно уже знакомое с непогодами лицо. Миссис Брайт, которая до сих пор не совсем еще потеряла было надежду, теперь также стала сильно беспокоиться; и судьба корабля, потерпевшего крушение, сделалась предметом разговоров в соседнем околотке. Между тем Фред Эллис и Изабелла росли, развиваясь телесно и умственно. Занятия отца нимало не привлекали Фреда, но неизвестность его судьбы сильно печалила юношу, и он решил во что бы то ни стало попасть на китобойный корабль и отправиться разыскивать судно отца.

Вспомнив, что один из богатейших в городе купцов и владелец корабля по имени мистер Синглтон – задушевный друг и старый школьный товарищ капитана Эллиса, Фред отправился к нему и смело предложил снарядить тотчас же корабль и послать на поиски брига его отца. Сначала мистер Синглтон смеялся над такой просьбой и представлял крайнюю невозможность исполнить ее, но потом он поднял падавший уже дух Фреда, сказав, что он намерен во что бы то ни стало отправить корабль на китовый промысел в северные моря и что он даст приказание капитану уделить часть своего времени на розыски пропавшего судна; сверх того, он согласился позволить Фреду отправиться на нем в качестве пассажира, за компанию с его сыном Томом.

Том Синглтон был нежным другом Фреда и школьным его товарищем в первый год своего учения, но в последние два года его послали в Эдинбургский университет для продолжения занятий по медицине, так что старые друзья виделись только в редкие промежутки времени. Поэтому для Фреда было неопишуемой радостью отправиться вместе со старым товарищем, теперь двадцатилетним юношей, ехавшим в качестве корабельного врача. Он едва владел собой и бросился бежать к Боззби, чтобы сообщить приятную новость и просить его сопровождать его.

Само собой разумеется, Боззби не прочь был ехать; но что особенно замечательно, это то, что жена его вовсе ему не перечила. Она, напротив, сама развязала ему руки и с ласковой улыбкой (но твердо) сказала своему удивленному супругу, что он может отправляться, куда хочет, и что она до его возвращения удовольствуется обществом двоих маленьких Боззби, миниатюрных копий отца.

И снова китоловный корабль готовился к отплытию, и снова миссис Брайт и Изабелла стояли у пристани, наблюдая за отплывающим кораблем. Изабелле было теперь около тринадцати лет, и она была такая красавица, какую, по словам Боззби, вам едва ли удастся встретить в целой Британии. Ее голубые глаза, темно-русые волосы, очаровательное личико и вся фигура, а еще более ее скромное и серьезное выражение лица невольно привязывали вас к ней и заставляли уважать ее с той самой минуты, когда вы увидели ее в первый раз. Боззби любил ее как собственное дитя и чувствовал тайную гордость, считая себя ее покровителем. Боззби любил иногда и пофилософствовать на ее счет в таком роде: «Вы видите, – говаривал он Фреду, – нельзя сказать, чтобы форма ее головы была настоящим снимком с совершеннейшего образца, – совсем нет; я видел картины и статуи лучше; она держит голову немного низко, вот так, видите ли, господин Фред, а у меня решительной меркой достоинства молодой женщины служит то, держит ли она подбородок высоко или низко. Если ее брови глядят прямо вперед, так что кажется, как будто она смотрит в землю, по которой идет, то я уже знаю, что ум ее крепок и не побоится работы; напротив, когда она держит нос свой высоко, как будто боясь взглянуть на собственные ноги, и несет свой подбородок высоко, так что стоящий прямо перед ней мальчишка никак не может посмотреть ей прямо в лицо, – это вернейший признак того, что она не способна думать ни о чем больше, как только о нарядах да о танцах».

На этот раз глаза Изабеллы были красные, припухшие от слез и уж никак не похорошели от этого. Хотя три года мало изменили характер миссис Брайт, она еще меньше старалась сдерживать свою грусть при прощании с Фредом.

Через несколько минут все было готово. Молодой Синглтон и Боззби поспешно, но с чувством простившись с миссис Брайт и ее дочерью, взошли на борт. Фред между тем продолжал прощаться.

– Еще раз прощайте, любезная тетушка, – сказал он. – С Божьей помощью, мы скоро возвратимся. Пиши мне, милая Изабелла, как вы поживаете, в Уппернавик, на Гренландский берег. Если же ни один из наших кораблей не отправится в ту сторону, то пиши в таком случае в Данию. Старый мистер Синглтон скажет тебе, как адресовать твое письмо, смотри только, чтобы оно было длинным.

– Эй, вы, новичок, ступайте на борт! – закричал капитан. – Проворней!

– Сейчас, сейчас, – сказал Фред и через минуту был уже на кормовой палубе возле своего приятеля Тома.

Снявшийся с якоря корабль распустил паруса и пустился в море, в полный приключений путь.

Но теперь уже для нас уплывающий корабль не уменьшается по мере того, как он подвигается вперед, сопровождаемый прохладным ветром, потому что и мы с вами, читатель, также плывем на нем. Теперь уже берег пропадает постепенно вдаль, пока не скроется наконец совсем из глаз на отдаленном горизонте, и тогда не на чем остановиться глазу: только светло-голубое небо вверху да темно-голубое море внизу.

Глава III

Путешествие. – «Дельфин» и его экипаж. – Льдины перед носом. – Полярные картины. – Виды с верхушки мачты. – Первый кит. – Необыкновенный восторг

Вот мы благополучно выплыли в голубое море, предмет восторга для моряков и страха для земледельцев.

Море, море, море, холодное,
Голубое, широкое, вечно свободное!

– Я думаю, – заметил однажды Боззби Синглтону, когда во время бури они стояли на шкафуте, наблюдая, как пена брызгала под носом корабля, между тем как он храбро рассекал волны Атлантического океана, – я думаю, что наш шкипер не совсем обычный человек. Он вник в самую суть дела, и я сам слышал, как он говорил вчера старшему лейтенанту о своем намерении отправиться прямо к Баффинову заливу искать капитана Эллиса, прежде чем плыть на обычное место китовой ловли. Вот что я называю понимать суть дела: потому что, как видите, он подвергается немалому риску засесть между льдинами и пробыть там во все время ловли.

– Он прекрасный человек, – сказал Синглтон. – С каждым днем он мне больше нравится, и я вполне надеюсь, что он примет все меры к отысканию нашего пропавшего друга; боюсь только, что шансы наши слишком незначительны, потому что хотя мы и знаем место, которое капитан Эллис намерен был посетить, но мы не можем сказать, в какую часть Ледовитого океана занесли его льдины и морские течения.

– Это так, – подтвердил Боззби, придавая своему левому глазу и щеке такое выражение, которое свидетельствовало о его напряженной чуткости и проницательности, – но я уверен, что если бриг или его экипаж можно найти, то капитан Гай непременно найдет их.

– Я совершенно согласен с вами... Были вы когда-нибудь прежде в тех морях, Боззби?

– Нет, сэр, никогда. Впрочем, мой сводный брат был у Гренландии на китовой ловле; сам я был только на линии южных морей.

– На какой это линии, Боззби? – спросил Дэви Соммерс, дюжий парень лет пятнадцати, бывший на корабле помощником баталера.

Но Боззби не обратил внимания на этот вопрос и продолжал разговор с Синглтоном.

– Я могу вам представить самый обстоятельный дневник моего путешествия по южным морям, – сказал Боззби, смотря глубокомысленно в морскую глубину. – Однажды, когда я был около пятнадцати миль к юго-западу от мыса Горна, я...

– Обед готов, сэр, – сказал сухопарый, высокий и живой человек, проворно подходя к Синглтону и снимая шляпу.

Это был баталер корабля.

– Мы поговорим с вами об этом когда-нибудь в другое время, Боззби. Капитан любит точность. – Говоря это, молодой лекарь сошел в каюту, оставив старого моряка курить трубку в уединении.

Здесь мы можем остановиться на несколько секунд, чтобы описать наш корабль и его экипаж.

«Дельфин» был крепкий, новый, хорошо оснащенный корабль, могущий поднять около трехсот тонн, специально построенный для китовой ловли в северных морях и вмещавший сорок пять человек экипажа. Корабли, которым предстоит бороться со льдинами, должны быть

построены прочнее тех, которые плавают только по чистому морю. «Дельфин» соединял в себе прочность с вместительностью и легкостью на ходу. Нижняя часть его кузова и боков была обложена двойными тимберсами и снаружи обшита крепкой железной обшивкой, между тем как с внутренней стороны пиллерсы и перекладины так были устроены, что давлению, сообщаемому какой-нибудь одной части корабля, противодействовал весь его корпус; а его нос, где удары льдин бывают всего чаще и всего опаснее, обшит был доской необыкновенной толщины и крепости. И во всех других отношениях корабль этот был снаряжен и снабжен всем нужным лучше купеческих кораблей. Из других подробностей, касающихся этого корабля, достойно замечания было только «воронье гнездо», прикрепленное к вершине фок-мачты, где во время китовой ловли помещался человек и высматривал китов. Главными лицами на корабле были: капитан Гай, сильный, серьезный и практичный американец; старший лейтенант мистер Болтон, здоровый, дородный англичанин, и мистер Сондерс, младший лейтенант, степенный, широкоплечий, худой шотландец, который был необыкновенно высокого мнения о собственном достоинстве и обладал беспредельной силой аргументации, можно сказать, обезоруживающей. Мивинс, баталер, был, как мы уже выше заметили, полноватый, высокий и дельный малый, живого и веселого нрава, предмет насмешек товарищей, но, как человек сильный и надежный, пользовавшийся их уважением. Молодой лекарь, Том Синглтон, с которым мы недавно познакомили читателя, был высокий, худой, но хорошо сложенный молодой человек очень веселого нрава. Он был всегда откровенен и обходителен. Он никогда не позволял себе насмехаться над другими, редко острил, в товарищеской компании был несколько застенчив и говорил мало; но зато для мирной беседы с глазу на глаз не было на корабле человека, равного Тому Синглтону. У него было испанское красивое лицо, курчавые, коротко остриженные черные волосы и едва пробивавшиеся усы, нежные и черные, как брови прекрасной андалузки.

Было бы непростительно не внести в наш список повара, Давида Мизла. Это был коренастый и толстый мужчина, жирный, как любой из пудингов собственного его приготовления. Взглянув на него, вы сейчас же заподозрите его в том, что он съел половину приготовленной им свиньи, и его плутовской, трудно скрываемый смех, в котором принимали участие все части его лица, начиная от конца его широкого подбородка, до самой верхушки его плешивой головы, подтвердят ваше подозрение. Мизл лишился волос слишком преждевременно, так как он был совсем еще молод, и когда его спрашивали о причине, то он обыкновенно приписывал это тому обстоятельству, что он очень долгое время занимается поваренным искусством, так что излишний жар, которому он подвергался, сжег его волосы.

Экипаж состоял из крепких молодых парней, большей частью более или менее привычных к китовой ловле, и нескольких гарпунщиков, широкоплечих силачей, если не великанов.

Начальником этих гарпунщиков был приземистый, коренастый и здоровый, лет тридцати пяти, мужчина, почти выросший на море среди занятий китовой ловлей в северных и южных морях. Никто не знает, какой стране принадлежит честь произведения его на свет, – да и сам он не знал об этом, хотя сохранял самые живые воспоминания о своем детстве, проведенном среди зеленых холмов, деревьев и ручейков. Он послан был в море с одним иностранным капитаном в таком возрасте, когда еще не мог узнать название своей родины.

Позже он ушел с корабля и, таким образом, потерял всякую возможность узнать, кто он таков; впрочем, как он сам выражался, он не слишком-то интересовался этим; он знал только то, что он – «он сам», а этого для него было довольно. По незначительной особенности его произношения, как и по некоторым другим признакам, догадывались, что он, должно быть, ирландец, – предположение, которое он тем охотнее поддерживал, что чувствовал некоторую привязанность к сыновьям и особенно к дочерям Эмеральда Эйля, даже женился на одной из последних, ровно за полгода до отплытия на китовую ловлю.

Таков был «Дельфин» и его экипаж. Бойко несся корабль по волнам широкого Атлантического океана, не встречая ничего замечательного на своем пути, пока не приблизился к гренландскому берегу.

В одно прекрасное утро, когда только заканчивался завтрак, корабль слегка покачнулся, как будто об него что-то ударило.

– А! – воскликнул капитан Гай, допивая свою чашку шоколада. – Удары начались.

– Перед носом лед, сэр! – сказал старший лейтенант, смотря в люк.

– Много? – спросил капитан, приподнявшись с места и снимая маленький телескоп с крючка, на котором он всегда висел.

– Не очень, сэр; только один поток; но вон там прямо перед нами блестит лед на всем протяжении горизонта.

– В какой стороне, мистер Болтон?

– Норд-норд-вест, сэр.

Еще не был кончен этот короткий разговор, как Фред Эллис и Том Синглтон вышли из каюты к остальной компании и встали на палубе, смотря вперед с величайшим любопытством. Оба они начитались рассказов о полярных морях и их природе; оба были хорошо знакомы, по крайней мере по названию, с плавучими ледяными полями, горами и холмами, но в действительности они еще ничего подобного не видели. Это впечатление глубоко врезалось в их молодую память, со всем, что было в нем романического и дикого, гиперборейского и полярного, блестящего и сверкающего, и светлого, и белого, в полном смысле слова – белого. Видеть на самом деле льдины, плывущие по соленому морю, было замечательнейшим событием в их жизни; наверное, впечатления первого дня среди льдов оставят после себя живые, глубокие следы, которые не изгладятся долго после того, как картины более поразительной природы исчезнут из их памяти.

Сначала вид, который представился их горящим от нетерпения глазам, не мог особенно удивить их. Попадались только изредка небольшие массы льда, плавающего в беспорядке в различных направлениях. Ветер дул непрерывный, но легкий, и казалось, что он совсем перестанет дуть. Но вот постепенно «блеск», замеченный прежде на горизонте (так как легкий газ всегда бывает приметен над льдом этой так называемой покрытой снегом землей), превратился в длинную белую ледяную цепь, которая, казалось, все более и более росла по мере того, как корабль приближался к ней, и часа через два они очутились посреди груд, к счастью, разделенных между собой настолько, что корабль мог пройти по находящемуся между ними каналу чистой от льдин воды. Вслед за тем с безоблачного неба заблестало солнце во всем его величии, ветер успокоился, и на океане воцарилась мертвая тишина.

– Пойдем на фор-марс, – сказал Фред, хватая своего друга за руку и быстро направляясь к ванту.

Через несколько секунд они уже сидели рядом на маленькой платформе у вершины фок-мачты, в том самом месте, где он соединяется с фор-стеневой, и с этого возвышения они молча упивались волшебной красотой лежащей перед ними картины.

Те, кто никогда не стоял на вершине корабельной мачты, на море, среди мертвой тишины, не могут понять того ужасного чувства одиночества, которое наполняет сердце человека, находящегося в таком положении. На суше не бывает ничего подобного. Стоять на самой верхушке башни и смотреть вниз на суетящуюся толпу – это не то, потому что здесь и звуки не те и видишь признаки жизни на обширном пространстве, так как крики долетают издали так же точно, как и снизу. А с вершины мачты вы только под собой слышите изредка звуки, а далее глубокая тишина; вы видите только маленькую, овальной формы площадку – вот и весь ваш «мир», за ним один безмолвный, пустынный океан. На палубе вы не можете испытывать подобного чувства, потому что здесь над вами возвышаются паруса и реи, и перед вашими глазами

мачты, шлюпки и снасти... Но если вы смотрите с высоты мачты, вы стоите, так сказать, в стороне и видите, как бесконечно мала и как ничтожна «вещь», которой вы вверили свою жизнь.

Сцена, на которую смотрели с вершины корабельной мачты наши друзья, на этот раз была поразительно прекрасна. Все огромное пространство, которое только в состоянии был обозреть глаз, покрыто было островами и ледяными полями всех форм, какие только воображение может себе представить. Одни возвышались над водой в виде небольших пиков и башен, другие имели форму арок и куполов, иные представлялись разломанными и походили на развалины старых пограничных крепостей, между тем как некоторые были ровны и гладки и представлялись как бы полями, покрытыми белым мрамором. А тишь была такая, что океан, по которому они плыли, походил на полированную стальную плоскость, на которой играло солнце во всем своем ослепительном блеске. Вершины маленьких островов были чистого белого цвета, а бока тех, которые были выше, – нежно-голубые, что придавало картине особенный блеск, делавший ее совершенно волшебной.

– Это далеко превосходит все, что я когда-нибудь представлял себе, – воскликнул Сингльтон после долгого молчания. – Теперь я понимаю, отчего писатели говорят о некоторых картинах, что их невозможно описать. Не правда ли, что это похоже на сон, Фред?

– Так, – отвечал Фред серьезно, – я старался перенести себя воображением в другой мир, и я почти преуспел в этом. Когда я долго и напряженно смотрю на лед, то я почти готов думать, что передо мной улицы, дворцы и соборы. Я никогда не испытывал такого сильного желания иметь крылья: тогда я мог бы перелетать с одного острова на другой и осматривать со всех сторон и эти голубые пещеры, и эти блестящие башни.

– Это, правда, увлекательная фантазия, и нельзя сказать, чтобы неестественная, Фред.

Между тем как они сидели, наслаждаясь таким образом северной картиной, поднялся ветер и всколебал поверхность моря, и «Дельфин», который стоял до сих пор неподвижно в одном из бесчисленных каналов, медленно стал пробираться между ледяными островами. Ветер между тем усиливался, и становилось невозможным избежать столкновений с плавающими массами; но корабль хорошо был вооружен для борьбы с ними, и хотя он и пошатнулся под ударами и подался раза два назад, но потом опять двинулся вперед и храбро пошел через ледяные груды. Через час или два они еще раз очутились в сравнительно открытой воде.

Вдруг раздался крик из «вороньего гнезда»:

– Кит!

В одно мгновение все на корабле засуетились, как будто получили электрический удар.

– Где? – закричал капитан.

– В подветренной стороне, сэр, – продолжал тот же голос.

Скоро тишина и спокойствие на корабле сменились состоянием чрезвычайной оживленности и некоторого замешательства. Вид кита, как греческий огонь, подействовал на расположение всех находившихся на корабле.

– Вот он, кит, – повторил человек с мачтового топа.

– Мы, кажется, прямо на него плывем? – спросил капитан.

– Держите немножко в сторону от него; еще немного, – сказал сторожевой, пристально всматриваясь в даль.

– Так, что ли? – спросил рулевой.

– Мистер Болтон, велите отвязывать шлюпки, – командовал капитан.

– Все наверх! – закричал лейтенант грозным голосом, и каждый бросился на свое место.

– Гребцы! Подавайте живее шлюпки!

– Да-да, сэр!

– Вон поднялся хвост, – воскликнул сторожевой, когда кит нырнул на дно и поднял хвост в воздух, на расстоянии не более одной мили с подветренной стороны, – он прямо плывет к кораблю.

– Остановите корабль! – кричал капитан. – Мистер Болтон, привяжите крьюсель! Спускайте шлюпки!

Через минуту три шлюпки спустились на воду, каждая с командой. Фред и Том прыгнули в капитанский бот как раз в то время, как он отплывал от корабля, и менее чем через пять минут, три бота, точно скаковые лошади, неслись по морю по направлению к киту. Каждый напряг все свои силы, и гибкие весла гнулись в дугу, так как каждая шлюпка силилась обогнать другие.

Глава IV

Китовая ловля и сражение. – Удача и опасность борьбы. – Боззби ныряет и этим спасается. – Кит ныряет и умирает. – Беспокойная ночь кончается благополучно, хотя и с большой потерей

Погоня продолжалась недолго, потому что шлюпки быстро приближались к киту, а кит совсем бессознательно плыл к шлюпкам.

– Живей, ребята, живей! – сказал капитан взволнованным голосом.

– Согните, ребята, ваши спины и не позволяйте лейтенанту обогнать вас.

Три шлюпки летели по морю, так как гребцы напрягали свои мускулы до последней возможности, и сначала они плыли рядом, как равные, но потом капитанская шлюпка обогнала другие, и видно было, что гарпунщик, Эймос Парр, будет иметь честь убить первого кита. Эймос сильно ударял своим гибким веслом; позади него стояла кадь с канатом, конец которого спущен был вниз и к которому привязан был гарпун. Как опытный китолов, он не обнаруживал никаких других признаков волнения, только темные глаза его заблестели и на бронзовом его лице показался легкий румянец. Наконец они приблизились к киту и на некоторое время положили весла, чтобы не упустить его из виду, когда он нырнет.

– Дует! – воскликнул Фред с сильным волнением, увидев перед собой кита на расстоянии не более двух саженей.

– Так, ребята, дружно, – кричал капитан хриплым шепотом, – вставай!

При последнем слове Эймос Парр вскочил на ноги и схватил гарпун; шлюпка неслась прямо к спине кита, и в одно мгновение два железных зубца гарпуна очутились в хребте чудовища.

– Назад!

Гребцы со всей мочи ударили в весла, чтобы избежать удара хвоста раненого чудовища морской глубины. Шлюпка быстро отскочила назад, а кит с быстротой молнии бросился ко дну, унося за собой канат. Этот момент – самый опасный. Трение, произведенное канатом, сбегавшим через край носа шлюпки, до того было велико, что Парр должен был постоянно лить воду, чтобы не воспламенился бот. Если бы в то время на канате была связка или какое-нибудь другое препятствие, шлюпка со всем своим экипажем, наверное, была бы увлечена ко дну, и подобные примеры действительно бывали нередко. Многие из китоловов вследствие таких несчастных случайностей остались с вывернутыми руками или ногами или, выброшенные из лодки, погибли под водой. Поэтому один из находившихся на лодке стоял уже наготове с маленьким топором, чтобы в случае надобности в одно мгновение пересечь канат, так как иногда кит при первом нырке вытягивает из шлюпки весь канат, и если в то время нет поблизости другой шлюпки, канатом которой мог бы быть надвязан истончающийся канат, то ничего больше не остается, как перерубить его. Как бы то ни было, ни одно из подобных несчастий не случилось на этот раз с экипажем капитанской шлюпки. Канат выбежал свободно, и гораздо прежде, чем он вышел весь, кит перестал опускаться, и когда канат сделался слабее, его обратно начали стягивать в шлюпку.

Между тем другие шлюпки подъехали к месту действия и ожидали минуты, когда животное опять покажется на поверхности. Наконец оно показалось футах в шестидесяти от шлюпки лейтенанта, где Боззби в качестве гарпунщика стоял уже на носу бота в ожидании кита, готовый вонзить в него железо.

– Дружно, ребята! – закричал лейтенант, когда кит пустил в воздух огромную струю воды.

Лодка прыгнула вперед, и Боззби со всей силой вонзил в него гарпун. Вдруг широкий хвост поднялся в воздух и как балдахин распростерся над головой Боззби. Спасения не было.

Быстрый глаз китолова тотчас увидел, что всякая попытка уйти бесполезна. Он стремглав бросился в воду и в следующее мгновение был уже глубоко в волнах. И только что он исчез, как громадный хвост опустился на оставленное им место, отрубив нос шлюпки и подбросив корму вверх с такой силой, что люди, весла, доски и снасти вылетели из шлюпки и очутились над хребтом чудовища в кипящем вокруг него котле пены. По-видимому, это была картина полнейшего и мгновенного разрушения; несмотря на то, однако же, странно сказать, не погибло ни одного человека. Спустя несколько секунд в белой морской пене стали показываться одна за другой черные головы людей, всплывающих на поверхность воды и силящихся добраться до плавающих весел и обломков разбитой шлюпки.

– Они погибли! – закричал Фред с ужасом.

– Ничуть нет, новичок, они уже почти вне опасности, я уверен в этом, – возразил капитан, когда его шлюпка переплыла место, вспененное китом. – Пускай канат, Эймос Парр, пускай канат, не то шлюпки наши останутся без носов.

– Да, да, сэр, совершенно справедливо, – произнес нараспев Эймос, обливая водой край носа шлюпки, через который с быстротой молнии сбегал канат. – Вся команда лейтенанта цела, сэр, – продолжал он, – я всех пересчитал, когда мы переплыли пену; Боззби вынырнул после всех, отдуваясь, как дельфин. Это похоже, однако, на чудо, если принять во внимание то, что он нырнул прежде всех.

– Возьми другую связку каната, Эймос, да продолжай отпускать, – сказал капитан.

Гарпунщик повиновался. Скоро и другая связка ушла вслед за китом, а канат все еще был ужасно напряжен, так что валы белой пены, шумевшие вокруг шлюпки и поднимавшиеся до самого края планшира, каждую минуту грозили наполнить шлюпку и заставить ее пойти ко дну. Такие катастрофы случаются нередко, когда китоловы, после того как кит взволнует море, слишком долго продолжают держать его на канате; и много было примеров, что шлюпки со всем своим экипажем погружались в воду и погибали. К счастью китоловов, кит пустился по воде в горизонтальном направлении, так что шлюпка имела возможность, пуская канат, следовать за ним, а спустя некоторое время животное остановилось и опять вынырнуло, чтобы вдохнуть. Гребцы снова принялись за весла, а другие стягивали канат до тех пор, пока не подплыли к самому животному. Тогда брошен был гарпун и копье, зубцы которого глубоко врезались в животное и проникли до жизненных частей его чудовищного тела, доказательством чему служила брызнувшая из него кровь и судорожные движения хвостом. Когда этим занята была команда капитана, Сондерс, младший лейтенант, наблюдавший с корабля все происшедшее на шлюпке старшего лейтенанта, выслал к нему на выручку партию людей, позволяя, таким образом, третьей шлюпке, которой правил статный мужчина по имени Питер Грим, продолжать преследование... Питер Грим был корабельный плотник – занятие, от которого он и получил свое имя. Это был, как выражались моряки, «угрюмый плотник», так как от солнца он сделался темно-коричневого цвета, и притом все лицо его, чуть не до самых глаз, покрыто было густой, черной как уголь бородой и усами, которые скрывали почти все его лицо, кроме сильно выдающегося носа и огненных глаз. Он был громадного роста, вероятно, самый большой человек на корабле, исключая младшего лейтенанта, шотландца Сондерса, с которым он мог соперничать во всех отношениях и уступал ему разве в аргументации. Как и все люди его размера, он был молчалив и добродушен.

– Смотри ж, ребята, теперь ухо остро! – сказал Грим, когда гребцы ударили в весла по направлению к киту. – Мы с ним скоро покончим, если вы броситесь на него, как тигры. Налегай, ребята, налегай! Ага! Идет ко дну! Скорей в сторону, да не зевайте, он сейчас опять покажется.

Пока он говорил это, кит внезапно кинулся по перпендикулярному направлению ко дну (это называется сондировать) и продолжал опускаться до тех пор, пока не размоталась большая часть каната капитанской шлюпки.

– Поднимайте весла! – закричал Эймос Парр, заметив, что связка каната стало быстро уменьшаться.

Услышав сигнал бедствия, Грим попросил гребцов напрячь все свои силы.

– Ударь еще раз, еще! – кричал Парр, между тем как кит продолжал стремглав опускаться вниз.

– Скорей топор сюда! – командовал капитан Гай, сжимая губы. – Нет, пускай, пускай!

В это время кит, вытянув более тысячи саженой каната, уменьшил скорость, и Парр, взяв другую связку каната, продолжал его стравливать, пока шлюпка чуть не погрузилась в воду. Затем канат ослаб, и его быстро стали стягивать обратно. Между тем шлюпка Грима достигла места действия, и гребцы держали весла наготове, ожидая появления кита. Вот он выплыл перед шлюпкой футов в шестидесяти. Еще один быстрый, энергичный взмах весел – и вторая шлюпка бросила гарпун глубоко в кита, между тем как Грим встал на нос своего бота и с ужасной силой пустил копьё, которое врезалось глубоко в тело животного. Чудовище пустило струю, смешанную из крови, жира и воды, и с такой силой повернуло своим огромным хвостом, что звук, происшедший от этого, мог быть слышен за милю. Еще не успел он опять нырнуть, как капитанская шлюпка подплыла к нему и в него бросили другой гарпун и несколько копий. Казалось, борьба уже приближалась к концу, как вдруг, с треском, подобным громовому удару, кит плеснул хвостом по воде и еще раз бросился в сторону, таща за собой две шлюпки, точно яичные скорлупы.

Между тем сцена переменялась. Заходящее солнце становилось красным и скрылось за грядом темных облаков, и по всему видно было, что скоро начнется шторм. Но пока что в воздухе была почти совершенная тишь, и корабль не в состоянии был плыть против легкого ветра на выручку двух шлюпок, которые едва виднелись на горизонте. Но вот поднялся ужасный ветер и пронесся по морю; с наступлением ночи темные облака покрыли небо, и скоро шлюпки и кит совсем скрылись из виду.

– Горе мне! – воскликнул младший лейтенант, полный шотландец, стоя на кормовой палубе и ломая руки. – Что теперь делать?

Сондерс говорил на языке, состоящем из шотландских и английских слов, – хотя шотландские слова встречались редко, произношение было настоящее шотландское.

– В какую сторону они направились?

– На норд-норд-вест, сэр.

– В таком случае плывите в ту сторону. Может быть, если ветер не перестанет, мы догоним их прежде, нежели совсем стемнеет.

Хотя Сондерс находился в состоянии крайнего смущения от такой неожиданной развязки китовой ловли и совсем почти не скрывал своего волнения, но он был слишком моряк, чтобы пренебрегать самым незначительным средством, которое могло быть предпринято в подобных обстоятельствах. Он направился прямо к тому месту, где скрылись шлюпки; в течение всей ночи, которая выдалась в шторм, на вершинах мачт висели фонари, и огромный пламенный или, вернее, маленький потешный огонь из смолистых веществ выброшен был на конце шеста над кормой корабля. Но прошло несколько часов, а шлюпок не было и следа, и экипаж «Дельфина» начал уже делать самые печальные предположения об их судьбе.

Наконец под утро маленькое пятнышко света показалось вдали, мелькнуло и потом опять исчезло.

– Видите ли вы вон в той стороне? – шептал с волнением Сондерс Мивинсу, положив свою огромную руку на плечо этого почтенного мужа. – Понизь румпель, – продолжал он, обращаясь к рулевому.

– Есть, сэр!

– Живей же!

– А вот мы живо, сэр.

И на лице Мивинса, выражавшем в течение нескольких часов сильное беспокойство, показалась простодушная улыбка; он сильно ударил себя по бедру и громко воскликнул:

– Это они, сэр, без сомнения. Как вы думаете, мистер Сондерс?

Младший лейтенант пристально посмотрел по направлению к тому месту, где показался свет, и Мивинс сморщил свое лицо с выражением такого напряженного внимания, что, казалось, никакая человеческая сила не в состоянии была отвлечь его.

– Вот он опять, – воскликнул Сондерс, когда свет явственно показался на поверхности воды.

– Понижь румпель, назад фор-стенгугу! – продолжал он, бросаясь вперед. – Спускай шлюпку!

Через несколько секунд корабль лег в дрейф, и шлюпка с фонарем, прикрепленным к веслу, неслась по волнам по направлению к свету. Скорее, чем можно было ожидать, она подплыла к месту, и радостные, раздавшиеся вдалеке крики «ура!» показывали, что все обстояло благополучно.

– Вот и мы, слава богу, – закричал капитан Гай, – здоровы и невредимы. Нам не нужна помощь, мистер Сондерс. Гребите к кораблю.

Не много нужно было времени для того, чтобы три шлюпки подплыли к кораблю, и спустя несколько минут экипаж поздравлял своих товарищей с тем смешанным чувством искренней задушевности и расположения к шутке, которое свойственно людям, привыкшим к опасности, после того, как опасность миновала.

– А кит все-таки ушел, – заметил капитан Гай, сопровождая экипаж в каюту, – но мы, надеюсь, скоро восполним эту потерю.

– О, непременно! – сказал один из матросов, выкручивая свое мокрое платье и шагая вперед. – Ай да Питер Грим! Ну, хоть с кита-то мы взяли шиш, да зато есть над чем посмеяться.

– Что ж у вас там смешного, Джек?

– Да как же, прежде чем кит нырнул, он пустил струю крови и жира, толстую, как грот-мачта, а тот как раз и подоспей под нее: с ног до головы, бедняжка, измок и стал красен, как морской рак.

– Ну а как же вы рыбу потеряли, сэр? – спросил Мивинс, когда наш герой вскочил на борт, сопровождаемый Синглтоном.

– Потеряли, точно так же как в настоящее время люди теряют деньги в спекуляциях железных дорог. Мы послали его ко дну, да потом уже и в глаза его не видали. После того как он чуть было не потопил нас, не могу сказать наверное, где это было, знаю только, что отсюда и не видать, – он внезапно остановился; мы сейчас же к нему и бросили в него несколько копий, так что из него хлынули потоки крови. Мы совсем уже было считали его покойником, он вдруг как бросился на дно, точно пушечное ядро, и еще весь канат вытянул из обеих шлюпок, так что пришлось пересечь его, – а он и был таков. А между тем уже стемнело, так мы его больше и не видали. Потом мы взялись за весла и поплыли к тому месту, где, по нашему расчету, должен был находиться корабль, и так работали всю ночь; наконец-таки увидели ваши огни. И вот мы здесь, до смерти уставшие, промокшие до костей, потерявшие мили две каната с тремя гарпунами.

Глава V

Различные размышления. – Гренландский берег. – Уппернавик. – Известия о «Полярной звезде». – Полночный день. – Научные факты и волшебные картины. – Мнение Тома Синглтона о бедных старых женщинах. – Опасность быть раздавленными. – Спасение

Согласно своим прежним предположениям, капитан Гай направлялся теперь через Девисов пролив в Баффинов залив, в конце которого он намерен был разыскивать своего друга капитана Эллиса и потом уже продолжать китовую ловлю. Много китоловов приезжало сюда с гренландского берега на войну с гигантами полярных морей, и со многими из них говорил капитан в надежде получить от них хоть какое-нибудь известие о «Полярной звезде», но все безуспешно. Теперь для экипажа «Дельфина» сделалось ясно, что розыски столько же составляют цель его экспедиции, сколько и китовая ловля, и то обстоятельство, что начальником погибшего корабля был отец «молодого мистера Фреда», как называли нашего героя, заставляло его принимать живое участие в этом предприятии.

Это участие еще более усиливалось живописными рассказами честного Джона Боззби о смерти бедной миссис Эллис и тем энтузиазмом, с которым он говорил о своем бывшем капитане. Притом же Фред, за свое свободное и приятное обращение и свою беспечность, сделался всеобщим любимцем экипажа и особенно пользовался уважением баталера Мивинса, человека с романическим в высшей степени духом, которому он раз или два чрезвычайно энергично высказал, что если капитану не удастся найти его отца, то он, Фред, намерен высадиться на берег Баффинова залива и один, пешком, продолжать поиски. Как бы то ни было, не подлежало ни малейшему сомнению, что бедный Фред не шутит и что он твердо решил скорее умереть, нежели воротиться домой, не найдя отца. Он слишком мало знал и суровую природу страны, в которую судьбе угодно было на время забросить его, и безнадежность предприятия, которое он задумывал. По своей детской беспечности он не рассудил, с какими препятствиями предстоит ему бороться, не вспомнил, сколько затруднений может встретить на своем пути; но с решимостью, свойственной зрелым людям, постановил покинуть корабль и исходить вдоль и поперек всю страну, если только это понадобится, чтобы разыскать отца. Пусть читатель не смеется над тем, что он, может быть, назовет детским энтузиазмом. Много молодых людей его возраста мечтают пуститься в такие, если не более немислимые, путешествия. Честь тому юноше, которому только приходят на ум подобные невозможности, и еще большая честь тому, кто, подобно Фреду, решается преодолеть их! Джеймс Уатт пристально смотрел на железный чайник, пока у него не потемнело в глазах, и мечтал о том, чтобы заставить котел работать, подобно лошади. И над Джеймсом Уаттом могли смеяться, и, может быть, действительно смеялись в то время; посмеются ли над Джеймсом Уаттом в настоящее время, теперь, когда тысячи железных котлов, подобно кометам, летают вдоль и поперек земли?

– Вы основательно изволите рассуждать, сэр, – говаривал Мивинс, когда Фред заводил с ним речь об этом. – Что касается меня, то я никогда еще не был в полярных странах, сэр, а я таки видывал виды и убедился, что человек с парой здоровых ног и с охотой к труду везде может прожить. Вот хоть, к примеру, сказать о населении этих стран, как рассказывают. Ведь живет здесь эскимос, а где живет один человек, там может прожить и другой, и что может делать один человек, то и другой может делать: это я на себе испытал и не стыжусь сознаться в этом, не стыжусь, хотя и знаю, что мне не следовало бы говорить этого, и я вас уважаю, сэр, за вашу сыновнюю решимость найти вашего папеньку, сэр, и...

– Баталер! – раздался из люка голос капитана.

– Да, сэр...

– Подайте сюда карту.

– Да, сэр! – И Мивинс исчез из каюты, как молоточек в коробочку, в то самое время, когда вошел Том Синглтон.

– Вот мы и рядом с датским поселением Уппернавик, Фред. Пойдем на палубу посмотреть его, – сказал Синглтон, снимая телескоп, висевший над дверью каюты.

Фреда не нужно было долго просить. Это было то место, где, по предположению капитана, они должны были получить какие-нибудь известия о «Полярной звезде», и с чувством, понятным не для всех, два друга стали рассматривать новенькие домики этого уединенного поселения.

Через час капитан и старший лейтенант с нашими молодыми друзьями высадились на берег при громких приветствиях всего населения и пошли к дому губернатора, который принял их весьма ласково и радушно; но единственное известие, которое они могли получить от него, было то, что год тому назад корабль капитана Эллиса был прибит сюда бурей, а потом, починив его и взяв порядочный запас провизии, капитан поплыл опять в Англию.

«Дельфин» запасся сушеной рыбой и приобрел себе несколько собак и эскимосского переводчика и охотника по имени Митэк.

Оставив это маленькое поселение, они еще раз выступили в море через льдины, с которыми они хорошо теперь были знакомы во всех формах, от огромных груд или ледяных гор до широких полей. Они минули несколько эскимосских поселений, из которых последнее, Иотлин, составляет самый северный предел колонизации. За этими поселениями лежали уже неисследованные земли. Здесь сделаны были расспросы с помощью эскимосского переводчика; из расспросов этих узнали, что пропавший бриг засел было недавно между горами льда и потом поплыл к северу. Но возвратился ли он назад или нет – не могут сказать.

После некоторого совещания решили продвигаться далее на север, до тех пор, пока льдины позволят это, к заливу Смита, и хорошенько осмотреть берег по этому направлению.

В течение нескольких недель, проведенных в этих широтах, постепенно менялись картины природы, о которых мы до сих пор не говорили ни слова и которые приводили в изумление Фреда Эллиса и его друга, молодого лекаря. Таков был продолжительный дневной свет, который длился всю ночь и усиливался с каждым днем по мере того, как они подвигались к северу. Правда, они часто о нем слышали и читали прежде, но воображения далеко не достаточно было для того, чтобы составить правильное представление о необыкновенной тишине и красоте северного полярного дня.

Всем известно, что так как ось Земли не перпендикулярна к плоскости ее орбиты вокруг Солнца, то полюсы попеременно приближаются более или менее к великому светилу в продолжение одного времени года и удаляются от него в продолжение другого. Поэтому на отдаленном севере день в течение одного времени года постепенно увеличивается до тех пор, пока наконец не наступит «один длинный день», продолжающийся несколько недель, так что солнце в это время ни разу не заходит; зато в течение другого времени года наступает «длинная ночь», в которую солнце никогда не восходит.

Когда «Дельфин» приближался к арктическому поясу, была самая середина лета, и хотя солнце каждую ночь скрывалось на короткое время за горизонт, но свет совсем почти не уменьшался в это время, или, по крайней мере, уменьшение это не было заметно для глаз, и казалось, что тогда был один непрерывный день, который в полночь становился все светлее и светлее по мере того, как корабль приближался к полюсу.

– Какой великолепный день! – сказал однажды Синглтон Фреду, когда они сидели на своем любимом месте на грот-марсе, смотря вниз на стеклянное, покрытое ледяными горами и полями море, на поверхности которого играли яркие лучи солнца. – И как странно вспомнить, что солнце зайдет здесь на какой-нибудь час и потом опять взойдет, величественное, как всегда!

Вечер был тих, как смерть. Ни один звук не нарушал тишину, только иногда доносились до ушей мягкие крики нескольких морских птиц, которые по временам погружались в море, будто нежно целуя его, и потом снова поднимались к светлому небу. Паруса чуть-чуть колыхались, и жалобно скрипел такелаж, а корабль, то приподнимаясь, то опускаясь, медленно плыл по волнам, которые казались дыханием океана. Но эти звуки нисколько не нарушали безмолвия, царившего на море; не нарушало его плескание моржей и тюленей, игравших на солнце вокруг отдаленных фантастических глыб льда; не нарушал его и тихий ропот зыби у подошвы ледяных гор, голубые бока которых изрезаны были тысячью водяных потоков и зазубренные вершины которых, как стальные иглы, возвышались в светлом воздухе...

На небольшом расстоянии от корабля плавало множество ледяных гор различных форм и размеров, которые тревожили капитана и служили источником удивления для наших молодых друзей на грот-марсе.

– Том, – сказал Фред после долгого молчания, – может быть, вам покажется странной эта мысль; но, знаете ли, я думаю, что рай должен быть чем-нибудь в этом роде.

– Фред, я не считаю эту мысль странной, так как картина эта заключает в себе две свойственные раю черты: тишину и покой.

– Да, я согласен с этим. Знаете ли, я хотел бы, чтобы постоянно была бы такая тишина, как теперь, и чтобы не было ни малейшего ветра.

Том улыбнулся:

– Ваше путешествие кончилось бы слишком не скоро, если бы только исполнилось ваше желание. Вот эскимосы, те, конечно, разделяют ваше желание, так как их каяки³ привычны более к тихому, нежели к бурному морю.

– Том, – сказал Фред, прерывая новое продолжительное молчание, – вы очень бестолковы и скучны сегодня, отчего вы не говорите со мной?

– Оттого, что этот роскошный и фантастический вечер располагает меня больше к размышлению и молчанию.

– Ах, Том! Это грубая ошибка с вашей стороны. Вы любите слишком много думать и слишком мало говорите. Я, напротив, я всегда...

– Вы всегда расположены более говорить и мало думать, не так ли, Фред?

– Ба! Да вы сегодня превосходите себя; вы прежде не охотник были до шуток. Не правда ли, что вам никогда не случалось видеть таких жалких существ, как старые эскимосские женщины в Ушпернавике?

– Что это они пришли вам на мысль? – спросил Том, смеясь.

– Посмотрите вон на ту ледяную гору: здесь есть нос и подбородок той необыкновенной ведьмы, которой вы дали ваш шелковый носовой платок при отъезде. Я никогда не видал такой жалкой старухи, как та ведьма перед нами; как вы думаете?

Все лицо Тома Синглтона переменялось, темные глаза его заблестели, брови сильно нахмурились, и он возражал:

– Да, Фред, я видел старых женщин жалче этих. Я видел таких старух, дрожащие ноги которых едва в состоянии были поддерживать их, идущих в самый жестокий ветер, в одежде, изношенной для того, чтобы прикрывать их тело, морщинистое, шероховатое и гадкое до того, что вас бы покорило, если бы вы дотронулись до него, я видел таких женщин, бродящих между кучами грязи, так что даже собаки отворачивались от них.

Фред готов был смеяться над внезапной переменой тона друга, но в характере молодого лекаря было что-то такое, что делало смех неуместным, по крайней мере, не позволяло его

³ Каяк – тип гребной лодки; широко распространен у народов Арктики. Традиционно состоял из шкур, натянутых на каркас из дерева или кости.

другу шутить в то время, когда он расположен был говорить серьезно. Фред принял серьезный вид.

– Где же вы видели такие жалкие создания, Том? – спросил он с любопытством.

– В городах, в цивилизованных городах нашей христианской страны. Если вы когда-нибудь проходили по улицам некоторых из этих городов, на заре, когда все остальные еще спят, вы должны были видеть, как они, дрожащие, бродят там и сям, прося подаяния и получая везде отказ от обитателей соседних домов. О Фред, Фред! Занимаясь практикой, хотя она и была непродолжительна, я видел много таких жалких старух и много других людей, – которых никогда никто не видит на улицах, – умирающих медленной смертью от голода, усталости и холода. Это самое черное пятно, лежащее на нашей стране, что нет достаточного пропитания для «старых нищих».

– Я также видел этих старых женщин, – сказал Фред, – но я до сих пор никогда не думал о них серьезно.

– Вот в том-то и дело, люди никогда не думают об этом, иначе этот ужасный порядок вещей не продолжался бы до сих пор. Попробуйте теперь хоть вникнуть в то, что я сказал сейчас. И не думайте, что я говорил здесь за нищих вообще. Я не очень жалею, – может быть, я и не прав, – продолжал Том задумчиво, – может быть, я не прав, в чем я, впрочем, сомневаюсь, но, во всяком случае, это факт, – я не очень жалею молодых, здоровых нищих и принял себе за правило никогда ничего не давать молодым нищим, просящим подаяния, даже малым детям, потому что я очень хорошо знаю, что их послали просить милостыню их ленивые, негодные родители. Я стою только за нищих стариков и старух, потому что, каковы бы они ни были, хороши или дурны, они не могут помочь сами себе. Когда человек падает на улице в изнеможении от какой-нибудь ужасной болезни, поразившей его мускулы, расслабившей его нервы, заставившей трепетать его сердце и судорожно сокращаться его кожу, – в состоянии ли бы вы были, посмотрев на него, пройти мимо, не думая об нем?

– О нет! – воскликнул Фред выразительно. – Я не прошел бы мимо, я бы остановился и оказал бы ему помощь.

– Теперь позвольте мне спросить вас, – продолжал Том серьезно, – какая разница, происходит ли слабость мускулов и сердцебиение от болезни или от дряхлости, за исключением разве того, что последняя неизлечима? Разве нет у этих женщин таких же чувств, как и у других женщин? Думаете ли вы, что нет между ними таких, которые знали лучшие времена? Они вспоминают о своих сыновьях и дочерях, умерших или отсутствующих, и вспоминают, может быть, точно так же, как и старые женщины, находящиеся в лучших обстоятельствах, только у них нет средств освободиться от гнетущих их мыслей. Они сохраняют в себе всю энергию, у них хватает решимости таскаться из конца в конец по городу, может быть, босыми и в холод, прося Христа о куске хлеба и питаясь только тем, что могут найти между кучами золы. Они, может быть, сетуют о былом благосостоянии и о былых временах и вспоминают о днях, когда их ноги были крепки и щеки гладки, – ведь они не всегда же были «ведьмами», – вспоминают, как у них когда-то были друзья, которые любили их и ухаживали за ними; а теперь вот они стары, одиноки и покинуты всеми.

Том остановился и положил руку на лоб, на лице его выступила краска.

– Вам, может быть, покажется странным, – продолжал он, – что я так говорю с вами о нищих старухах, но я глубоко сочувствую их плачевному состоянию. Молодые имеют возможность более или менее помогать себе сами, и у них есть сила облегчить свою скорбь надеждой, благословенной надеждой и твердо устоять против несчастья; но бедные старики и старухи, они не могут помочь себе сами, не могут облегчить своей печали, и до самого конца своих дней, которые им суждено прожить, у них нет никакой надежды, разве что надежда умереть, раньше или позже, и если можно, летом, когда ветер не так холоден и жесток.

– Но как же помочь этому, Том? – спросил Фред с выражением глубокого сострадания. – Если нам жаль нищих и если мы сочувствуем им (и, уверяю вас, вы заставили меня сочувствовать им), можем ли мы сделать для них хоть что-нибудь, как вы думаете?

– Не знаю, Фред, – возразил Том, принимая свой обыкновенный спокойный тон. – Если бы каждый город и каждое местечко Великобритании составили общества, главная цель которых состояла бы в том, чтобы не оставлять ни одного старика и ни одной старухи без попечения, – вот что могло бы облегчить их участь, – точно так же, если бы правительство честно приняло заботу о них на себя.

– Зовите всех сюда, мистер Болтон! – закричал капитан резким голосом. – Шесты сюда, да скорей отвязывай шлюпки!

– Эй! Что там случилось? – спросил Том, вдруг опомнившись.

– Я полагаю, что приближаются ледяные горы, – заметил Том. – Фред, прежде чем мы уйдем на палубу, обещайте мне исполнить то, о чем я попрошу вас!

– Хорошо, исполню.

– В таком случае обещаете ли вы в течение всей вашей жизни, особенно когда вы сделаетесь богаты или влиятельны, думать о нищих и действовать на пользу тех стариков и старух, которые не в состоянии заботиться о себе?

– Обещаю, – отвечал Фред, – но я не знаю, буду ли я когда-нибудь богат или влиятелен или в состоянии много помочь им.

– Без сомнения, вы этого не знаете. Но, если мысль о них придет вам в голову, обещаете ли вы остановиться на ней и применить ее к делу, если Бог вам даст возможность?

– Конечно, Том, я обещаю сделать все, что только средства позволят мне сделать.

– Хвалю вашу решимость, друг, и благодарю вас, – сказал молодой лекарь, спускаясь вниз и прыгая на палубу.

Здесь они нашли капитана, быстро шагавшего взад и вперед и, видимо, чем-то озабоченного. Сделав два или три оборота, он вдруг остановился и начал пристально смотреть с кормы.

– Натяните паруса, мистер Болтон, скоро, кажется, должен подняться ветер. Да чтобы гребцы гребли проворней!

Распоряжение было отдано, и скоро корабль был под тучей парусов, медленно подвигаясь вперед, между тем как две шлюпки буксировали между двумя огромными ледяными горами, постепенно приближавшимися друг к другу.

– А что, Боззби, нам, кажется, угрожает опасность? – спросил Фред, между тем как дюжий моряк стоял с шестом в руках и нетерпеливо смотрел на большую гору.

– Опасность? Да, молодой человек, угрожает опасность; эта вещь, как изволите видеть, весьма неприятная. Теперь нам не выпутаться из беды – нет ни малейшего ветра, а мы плывем между двумя горами, которые, того и гляди, раздавят нас, как орех. Мы ведь не можем плыть ни направо от них, потому что поток несет нас в другую сторону, ни налево, потому что гряда не позволяет: приходится плыть посередине; пусть будет, что будет.

Опасность действительно была неизбежна. Две горы находились не более как на расстоянии ста ярдов одна от другой, и меньшая из них, плывшая, вероятно вследствие потока, быстрее другой, подошла к большей на такое расстояние, что, казалось, готова была решить участь «Дельфина» в несколько минут. Гребцы работали сколько у них было силы, но при всех их усилиях они только медленно могли двигать корабль. Как бы то ни было, помощь явилась из рук Того, кто составляет последнее прибежище в минуту опасности. Ветер уже рябил спокойное море, постепенно приближаясь к кораблю как раз со стороны кормы, и навстречу ему натянут был сверху и снизу лисель; неопытному глазу казалось, что не было никакой соразмерности между широко натянутыми и далеко выдающимися направо и налево парусами и маленьким корпусом, который их поддерживал.

С замиранием сердца стояли наши герои на борту корабля, наблюдая за двумя горами и за приближающимся ветром.

И вот он наконец поднялся. Как будто несколько кошачьих лап, взбороздил он поверхность моря; паруса надулись на минуту, а потом снова повисли. Но этого было достаточно. Еще одно такое же дуновение, и корабль был уже вне опасности. Но прежде чем опасность прошла, выдающиеся вершины меньшей горы нависли уже над самой палубой. В эту критическую минуту ветер начал дуть постоянно, и скоро «Дельфин» очутился в открытой воде, оставив горы позади. Минут через пять после того, как корабль прошел, движущиеся горы столкнулись с грохотом громче громового удара; множество обломков с продолжительным гулом, подобным реву артиллерии, рухнули на то самое место, через которое не более четверти часа тому назад прошел корабль. А корабль через некоторое время бросало из стороны в сторону по волнам, которые вырывались из-под обрушивавшихся ледяных масс.

Глава VI

Ветер. – Корабль прикрепляется к ледяной горе. – Опасность со стороны скопления льдин. – Прозорливость Мивинса. – Моржи. – Ветер усиливается. – Цепи и канаты. – Борьба за жизнь. – Неожиданное открытие. – «Сдавливание» и его ужасные последствия. – Корабль пристаёт к ледяной горе

Опасность, о которой мы рассказали в последней главе, была только началом ужасов, продолжавшихся целую ночь. К счастью, как мы уже заметили выше, затруднения, с которыми пришлось бороться нашим путешественникам в эту ночь, не увеличивались ее темнотой. Вскоре после того, как корабль минул ледяные горы, с берега поднялся страшный ветер. Между берегом и «Дельфином» находилась целая полоса полураздробленных льдин, а по другую сторону корабля плыло ледяное скопление, представлявшее ужасную сцену распада отдельных глыб под влиянием сильного ветра.

– Держите от нее в сторону градуса на два, – сказал капитан Гай рулевому. – Нам следует привязать корабль к той вон горе, мистер Болтон, потому что, если этот ветер понесет нас на груды, то нас далеко отбросит в сторону, если только груды не сдавят нас и не потопят.

Быть сдавленным составляет одну из бесчисленных опасностей, которым подвергаются мореплаватели в арктическом поясе. Если корабль попадет между двух плавучих ледяных полей, то иногда случается, а в особенности во время бури, что льдины смыкаются и сжимают корабль с обеих сторон, – это и называется «сдавливанием».

– Да, – заметил Боззби, стоявший сложа руки возле кабестана. – Много, и даже очень много, хороших кораблей погибло от этого. Я сам, собственными глазами, видел, как однажды бриг был почти сплюснут двумя громадными плавучими льдинами; льдины сейчас же опять разошлись, и бриг пошел ко дну. Но, прежде чем он был сдавлен, экипаж спасся, выскочив из корабля на льдину; тут на помощь им подоспел наш корабль и забрал их.

– Ну, на льдину-то уж плохо полагаться, – заметил Эймос Парр. – Я и сам видел что-то вроде сдавливания, о котором вы говорите; оно случилось с небольшой шхуной в Девисовом проливе, только льдины не сплюснули ее, а подняли кверху над водой, а потом снова бросили ее вниз.

– Скорей сюда кабельтовых⁴ и якорей!

Вмиг несколько человек уже работали на ботах, то поднимая, то бросая якоря; и несколько часов такой тягостной работы понадобилось для того, чтобы прикрепить корабль к горе. Но только работа стала приближаться к концу, как гора наклонилась, угрожая падением, – корабль быстро отскочил в сторону, а вслед за тем и масса льда в несколько сот тысяч пудов обрушилась с того самого края горы, у которого корабль совсем уж было стал на якорь. Капитан решил плыть к берегу, в надежде найти удобное место, чтобы стать на якорь. Сначала льды представляли непреодолимую преграду, но наконец найден был канал, свободный от льдин, по которому корабль подплыл на расстояние нескольких сот ярдов от берега, представлявшего в этом месте высокий и крутой утес.

– Бросай здесь якорь! – закричал капитан.

– Есть, сэр!

– Отпусти румпель! Теперь бросай!

Якорь полетел вниз под музыку гремющей цепи – звук, который еще не было слышно с того времени, как корабль покинул берега старой Англии.

⁴ Кабельтов – здесь: пеньковый канат особой свивки, употребляемый, как правило, в качестве швартовов или буксирных тросов.

– Лучше бы нам было подвинуться еще на несколько ярдов вперед, – заметил старший лейтенант. – Видите поток льда, который обходит вон тот мыс? Чего доброго, он затрет нас.

– Пожалуй, – возразил капитан, – только я боюсь, что нам не удастся избежать его из-за берегового льда. Спускайте шлюпку, мистер Сондерс, да попробуйте бросить на льдину якорь; может быть, нам еще удастся подвинуться на несколько ярдов.

Приказание было исполнено, но, несмотря на все усилия матросов, корабль не мог пробиться через береговой лед. Между тем ветер усилился, и снег повалил огромными хлопьями. С отливом поток льда, о котором мы только что упомянули, хлынул к кораблю. Сначала толчки были незначительны; плавающие льдины отбивались от носа корабля и уносились в стороны; но скоро нахлынули большие массы, и наконец одна из них уперлась в канат и с глухим шумом потащила якорь.

Фред Эллис, стоявший с младшим лейтенантом, посмотрел на него вопросительно.

– А, это плохо, – сказал Сондерс, слегка покачивая головой, – этот звук весьма неприятен для моего слуха. Если нас занесет в льдины, то бог знает что с нами станется.

– Пожалуй, нас еще затопит, сэр, – заметил жирный повар, проходивший в это время с блюдом.

Мизл и теперь не перестал шутить, как ни плачевно было положение корабля и как ни ужасны могли быть последствия такого положения.

– Советую вам, сударь, держать язык за зубами! – воскликнул Сондерс с негодованием. – Занимались бы вы лучше своим делом и говорили только тогда, когда вас спрашивают.

Ледяная масса освободилась было от задерживавшего ее каната, но спустя несколько минут к нему прикрепилась другая, еще большая масса, и грозила унести его с собой.

В этой крайности капитан скомандовал поднять якорь, что, однако, нелегко было исполнить, и когда якорь вытасен был на нос корабля, то обе его лапы оказались совсем отломанными, а веретено – гладко отполированным от трения льда.

Лед в огромном количестве с неудержимой силой покатился теперь вниз, и корабль попал в страшное скопление льдин, в которых он крепко засел и которые всю эту ночь несли его по воле ветра в неведомые северные страны. К еще большему бедствию и опасности путешественников, море покрыто было густым туманом, так что они сами не знали, куда занесут их льдины, а освободиться от них не было ни малейшей возможности. Ничего, следовательно, не оставалось больше, как плыть туда, куда несет ветер, и ожидать минуты, когда льдины разделятся и дадут возможность спастись.

На следующий день, под вечер, ветер стих и солнце засияло светло и ярко, а льдины по-прежнему плыли сомкнувшись и несли с собой корабль к северу.

– Мы далеко оставили за собой самый северный предел, до которого достигали мореплаватели, – заметил капитан Гай Фреду и Тому, облокотившись на перила и внимательно рассматривая ледяные поля.

– Извините, я не согласен с вами, капитан Гай, я думаю, что капитан Парри побывал еще дальше на севере во время своей полярной экспедиции, – возразил Сондерс с видом человека, который приготовился защищать свою позицию до последнего.

– Очень может быть, Сондерс, но я думаю, что мы, по крайней мере, в этом направлении продвинулись дальше к северу, чем кто-нибудь. Наконец, вы можете видеть это на карте.

– А я в этом сомневаюсь, – прибавил младший лейтенант решительно. – На карты не всегда можно полагаться; я слышал, что еще прежде китоловы бывали в этих местах.

– Может статься, вы и правы, мистер Сондерс, – возразил капитан с улыбкой. – Однако я сделаю наблюдения и дам названия некоторым мысам, пока не приду к убеждению, что другие здесь были до меня. Мивинс, дайте мне телескоп; кажется, что к северу на горизонте заметна тусклость?

– Что это такое – тусклость, капитан? – спросил Фред.

– Когда небо в какой-нибудь стороне горизонта представляется тусклым, то это значит, что в той стороне находится чистое ото льда море; это явление как раз противоположно другому явлению, которое вы не раз замечали вдали и которое мы называем «блеском».

– Это показывает, что мы скоро будем плыть по чистому морю, – прибавил младший лейтенант с видом знатока.

– Мистер Сондерс, – сказал Мивинс, который, прибрал остатки обеда и вымыл блюда, наслаждался ленью в течение десяти минут – промежутка между обедом и новыми приготовлениями к ужину, – мистер Сондерс, сэр, не можете ли вы объяснить мне, сэр, отчего море не замерзает у нас точно так же, как оно замерзает здесь?

Лицо младшего лейтенанта прояснилось, потому что он немало гордился огромным запасом своих многосторонних познаний и ничто ему так не нравилось, как если к нему обращались за сведениями, особенно о предметах сбивчивых.

– Гм... да, Мивинс, я могу вам объяснить это. Надобно вам сказать, что для того, чтобы поверхность воды замерзла, нужно, чтобы весь объем пресной воды охладился до сорока градусов, а соленой – до сорока пяти. Следовательно, мороз должен быть всегда продолжителен и весьма силен, для того чтобы охладить глубокое море от его поверхности до самого дна, а до тех пор, пока оно не охладится до такой степени, оно не может замерзнуть.

– Ну, прекрасно, – заметил Мивинс, который едва наполовину понимал смысл этого объяснения. – А можете ли вы мне объяснить, мистер Сондерс, как это так образовались ледяные горы? Я решительно не понимаю, как это оно так...

– Да, – возразил Сондерс. – Немало людей и с головами не вашей чета долгое время работали над тем, чтобы объяснить, как образовались ледяные горы. Но если у вас есть глаза, то вам нетрудно увидеть с первого взгляда, как они образовались. Видите ли вон там к северо-востоку высокие утесы? Ну-с? Их покрывают огромные массы льда, образовавшиеся от того, что снег растаивал и замерзал на них в течение долгих лет. Когда они сделаются слишком тяжелы, чтобы держаться на утесах, они падают в море и уносятся им в виде ледяных гор. Но самые большие из этих гор образуются у подошвы глетчеров. А знаете ли вы, Мивинс, что такое глетчеры?

– Нет, сэр, не знаю.

Лейтенант вздохнул.

– Это, Мивинс, громадные скопления льда, который образовался вследствие замерзания и таяния снега в продолжение целых столетий. Ими на пространстве целых миль покрыты горы Норвегии, Швейцарии и многих других стран на земле. Иногда они скатываются вниз и наполняют собой целые долины. Я видел в Норвегии глетчер, который наполнял собой долину в восемь миль длины, две мили шириной и семьсот или восемьсот футов глубиной; и это был только крошечный кусок глетчера, потому что я слышал от людей, проходивших по нему, что он покрывает скаты гор на пространстве более чем в двадцать миль, и они так же велики, как ледяные поля, поверхность которых покрыта шероховатым жестким снегом.

– Вы, должно быть, шутите, сэр, – сказал изумленный Мивинс. – И они никогда не тают?

– Нет, никогда. Что они теряют летом, то с барышом приобретают зимой. Сверх того они постоянно находятся в движении, но движутся до того медленно, что, как пристально и как долго ни присматривайтесь к ним, вы не в состоянии будете заметить в них ни малейшего движения, точно так же, как вы не можете заметить движения часовой стрелки в часах; мы знаем об их движении только из наблюдений над переменами, которым они подвергаются из года в год. Здесь, в арктическом поясе, есть громадные глетчеры и ледяные глыбы, которые постоянно отрываются и уносятся в море; это не что иное, как ледяные горы, которых так много можно видеть в этих местах.

Это объяснение, по-видимому, произвело на Мивинса глубокое впечатление, и он, по всей вероятности, не скоро бы кончил разговор, если бы ему не помешал голос его ненавистного сослуживца, который взял его за вихор и сказал:

– С вашего позволения, мистер Мивинс, стелить ли мне скатерть или уж сегодня чаю не нужно подавать?

Мивинс вздрогнул:

– А, так ты мне еще будешь указывать! Ступай вниз!

Соммерс тотчас же юркнул, сопровождаемый сперва тщательно сложенным полотенцем, а потом и своим быстроногим начальником. Оба вместе достигли царства запахов, склянок и посуды и энергично принялись за свою нескончаемую работу.

Скоро после того льдины внезапно раздвинулись, и экипажу удалось после нескольких часов тяжелого труда еще раз верповать⁵ «Дельфин» изо льда, но, едва эта работа была кончена, как новая буря, постепенно собиравшаяся, разразилась и заставила корабль еще раз искать защиты у берега.

Множество моржей играло в соседних бухтах; они приближались к кораблю гораздо ближе, чем обыкновенно, и выставляли находившимся на борту свои огромные, страшные морды, махая своими косматыми головами и бороздя волны клыками. Эти громадные существа можно назвать слонами Арктического океана. С виду они как-то особенно угрюмы и свирепы, и, ничуть не уступая слонам в величине, они не менее страшны, чем кажутся с виду. По своим формам они походят несколько на тюленей; тело у них цилиндрическое, с круглой или, вернее, квадратной и тупой головой, косматыми, щетинистыми усами и двумя длинными белыми клыками, загнутыми книзу, вместо того чтобы быть обращенными кверху, и заменяют для них иногда крючья, с помощью них и ластов они могут вскарабкаться на утес и ледяную гору. И в самом деле их нередко находили на склонах крутых утесов, и на значительной высоте, греющимися на солнце.

Фред горел желанием приобрести себе череп одного из этих чудовищных животных, но ужасный вид приближающейся бури делал невозможной в это время всякую попытку исполнить его желание. Черная, зловещая туча поднималась с южной стороны горизонта, и животные, до сих пор оживлявшие их путь, как бы не доверяя угрожающей буре, покинули канал. Капитан Гай сделал все возможные приготовления к встрече подходящей бури, – он верповался к берегу, под защиту утеса, к которому и привязал корабль посредством двух кабельтовых, и велел все прибрать на борту.

– Вот сейчас гроза задаст нам, – сказал Фред, всматриваясь в черные тучи, несшиеся по всему небу на север, и прохаживаясь по палубе со своим другом Томом Синглтоном.

– Да, и я так думаю, – отвечал Том, – и меня ничуть не ободряет, что Сондерс качает головой так, как будто он предчувствует несчастье. Знаете ли, я очень доверяю этому человеку. Он, кажется, все знает и все испытал, и я замечаю, что очень многие из его предсказаний сбылись как нельзя лучше.

– Сбылись-то сбылись, – сказал Фред, – но я желал бы, чтобы он не так пасмурно смотрел на вещи, пока предвещения его еще не сбылись. Вид его в состоянии внушить страх хоть кому.

– Кажется, нам понадобится прикрепить еще один канат, мистер Сондерс, – заметил капитан, когда ветер усилился и два кабельтовых сильно напряглись. – Пошлите кого-нибудь на берег привязать поскорей китоловный канат.

Младший лейтенант повиновался, но с ворчанием, которое, по-видимому, выражало, что он уже давно бы это сделал. Через несколько минут канат был привязан, и ничуть не заблаговременно, потому что в ту же минуту поднялся настоящий ураган. Ураган все более и более усиливался, а лед начал скопляться быстрее, чем когда-либо. Только капитан отдал приказание

⁵ Верповать – тянуть судно посредством верпа, то есть небольшого вспомогательного якоря.

привязать новый кабельтов, как послышался треск рвущегося каната. Шестидюймовый кабельтов лопнул, и корабль качался, держась только на двух остальных, а ветер между тем, как лев, ревел в шестах и снастях. Прошло еще полминуты, и опять послышался треск, и китоловный канат лопнул. Теперь один канат держал корабль у берега, не позволяя ему сделаться добычей льдин, ветра и волн, от которых защищал его утес. Кабельтов был превосходен – это был новый десятидюймовый канат. Он гудел, точно выводил глухие тоны органа, заглушая собой треск снастей и вантов, но это была его предсмертная песня. С громом пушечного выстрела лопнул и этот канат, и корабль был увлечен от берега громадными льдинами и носился по их прихоти то в ту, то в другую сторону.

Насилу экипажу удалось верповать корабль в сравнительно безопасное место, но он скоро снова был увлечен в море и сильно сдавлен плавучими ледяными массами. Тогда сделана была попытка натянуть паруса и плыть к берегу, но из-за льдин не было никакой возможности управлять рулем. Оставалось плыть по ветру, чтобы дать кораблю хоть какое-нибудь направление. Все были на палубе и молча наблюдали за ужасными льдинами, несшимися перед ними.

Проход к северу видимо суживался высоко возвышавшимися ледяными столбами, и ход корабля затруднялся клифами⁶. Около семи часов вечера они приблизились к скопившимся ледяным массам, попасть в которые было бы верной гибелью.

– Стой здесь, бросай якорь! – закричал капитан с отчаянной надеждой повернуть корабль в другую сторону.

– Что это перед нами? – вдруг крикнул старший лейтенант.

– Бриг направо от нас у самого берега! – прокричал сторожевой.

Внимание экипажа от своего собственного критического положения обратилось на странный бриг, который прежде скрывался за огромной, стоявшей на мели ледяной горой, а теперь находился в виду корабля.

– Можете ли вы рассмотреть его, мистер Болтон?

– Да, сэр, я полагаю, что это огромный бриг, но слишком, кажется, обтерся, так что на корме не осталось никакого названия, если оно было когда-нибудь.

Между тем как он говорил это, снег поредел, туман рассеялся, и экипаж увидел не более как в трехстах ярдах бриг, медленно дрейфующий в полураздробленный лед. На бриге не видно было ни одного человека, и хотя на нем оставалось два-три паруса, но и те были разорваны в куски. Только что успели рассмотреть это, как «Дельфин» наткнулся на огромную ледяную массу и задрожал от сильного толчка.

– Бросай якорь! – закричал капитан. Самый тяжелый якорь, какой только был на корабле, полетел вниз, и цепь в течение двух минут уходила за ним по клюзу⁷.

– Пускай!

Корабль остановился, но цепь была страшно натянута. Масса льда, в сотни тонн веса, неслась прямо к носу корабля. Устоять против нее не было ни малейшей надежды. Не было даже времени привязать к канату бакан или лаг и, таким образом, «Дельфин» навсегда лишился самого лучшего каната.

Но думать или сожалеть об этом было некогда, потому что корабль гнало теперь ветром на льдины, из которых редкая не достигала тридцати футов толщины и которые царапали его обшивку. В ту самую почти минуту неизвестный бриг, находившийся между двумя толстыми плавучими льдинами, приблизился к кораблю на расстояние не более пятидесяти ярдов.

– Что, если это бриг моего отца? – прошептал Фред Эллис, хватая за руку Синглтона и обращая к нему свое лицо, бледное как полотно.

⁶ Клиф – крутой уступ.

⁷ Клюз – обрамленное литой конструкцией отверстие в фальшборте, служащее для пропускания и уменьшения перетирания якорной цепи или буксирного каната.

– О, об этом не беспокойтесь, молодой человек, – сказал Боззби, который стоял на бакборде возле шкафута и слышал замечание Фреда. – Я бы узнал бриг вашего отца между тысячу других.

Когда он говорил это, две ледяные массы сомкнулись и сдавили бриг между собой. В продолжение нескольких секунд он, казалось, трепетал, как живой, и скрипел каждый тимберс. Потом он медленно повернулся, так что экипаж «Дельфина» мог заглянуть в его трюм и увидеть, как его брусья ломались, точно спички, сжатые сильной рукой. Потом левый бок брига был так вдавлен, как будто он был слеплен из мягкой глины, а правый бок его совсем выдавлен, и лед нахлынул на форкастель.

Не больше трех минут прошло с тех пор, как началось сдавливание; еще минута, и бриг пошел ко дну, а лед дико кружился, точно празднуя победу, над тем самым местом, куда бриг исчез.

Участь брига, которая могла постигнуть скоро и «Дельфин», повергла экипаж на минуту в уныние; но положение не давало им времени останавливаться на этой мысли. Одна ледяная глыба, возвышавшаяся над планширом, разбила вдребезги ограду и бросила на палубу кусок льда в полтонны весом. Еще не миновала эта опасность, как новый враг показался перед носом корабля. Прямо на его пути, как раз за линией плавучих льдин, которые то толкали его, то царапали его обшивку, лежала целая группа ледяных гор. Избежать встречи с ними не было возможности, вопрос состоял только в том, будет ли корабль разбит вдребезги об их твердые синеватые бока или, быть может, найдет за ними убежище от бури.

– Вот чистый проход между горами и плавучими льдинами! – воскликнул Болтон голосом, выражавшим надежду, схватив шест и прыгая на планшир.

– За шесты, ребята, – кричал капитан, – отгоняйте льдины, дружно!

– Есть, сэр! – произнесли матросы с выражением, показывавшим, как могущественно действовал на них этот луч надежды; но уныние снова овладело ими, когда, достигши открытого прохода, они заметили, что горы не оставались в покое, но двигались вместе с плавучими льдинами, медленным, но страшным движением, и кораблю грозила опасность быть раздавленным двумя из них. В то же время с юга плыла низкая гора, бороздя и отбрасывая в сторону мелкие льдины, как бы с презрением.

В голове капитана промелькнула счастливая мысль.

– Спускай с кормы шлюпку! – закричал он.

В одну минуту шлюпка упала на воду, и четыре человека тут же сели на скамьи.

– Бросай якорь в эту гору!

Питер Грим исполнил приказание и со всего размаха, которому позавидовал бы и сам Геркулес, метко пустил якорь. Через минуту корабль плыл вслед за своим новым вожатым. Это была минута большой опасности, потому что узкий канал, по которому он плыл, на всем протяжении завален был горами, которые заставляли экипаж взяться за шесты, чтобы корабль не разбился об их бока. Одной огромной горы корабль касался так близко, что левая сторона шлюпки раздробилась бы об нее, если бы ее не сняли с роуленсов.

После пяти минут такого странствования они приплыли к стоявшей на мели горе, к которой они и решились прикрепиться. Тотчас отдано было приказание бросить канаты. Их белый провожатый пошел своей дорогой к далекому северу, а корабль обогнул гору и стал за ее подветренной стороной. Экипаж благодарил Бога за спасение.

Глава VII

Новые действующие лица. – Старая игра при новых обстоятельствах. – Замечательные явления на небе. – С О’Рили случается несчастье

Домпс был замечательно степенного и хитрого нрава, а Покер – шалун, неисправимый шалун, в полном смысле этого слова. Хотя между ними и случалась иногда перепалка, однако же Домпс и Покер были задушевными друзьями и большими любимцами экипажа.

Мы еще до сих пор не познакомили нашего читателя с этими персонажами, но они будут играть важную роль в истории приключений «Дельфина» в арктическом поясе, и потому мы считаем нелишним представить их читателю.

Будучи в Уппернавике, капитан Гай купил себе шесть хороших, крепких эскимосских собак; он думал взять их с собой в Англию и подарить некоторым из своих друзей, которым уж очень хотелось приобрести себе образчики этих животных. Две из этих собак особенно выдавались между другими не только своей наружностью, но и особенностями характера. Одна была чистого белого цвета, с веселым выражением морды, огромным косматым телом, двумя стоячими заостренными ушами и коротеньким обрубок на месте бывшего когда-то хвоста. За неизвестную вину хвост отрубили или отгрызли, так что остался один только обрубок. Впрочем, обрубок этот действовал так же хорошо, как если бы в нем заключалось пятьдесят хвостов. Он ни минуты не оставался в покое, и обладатель его, по-видимому, был убежден, что махать хвостом – вернейшее и притом единственное средство тронуть сердце человека; поэтому собака эта махала им, можно сказать, беспрестанно. За свои воровские наклонности, которые заставляли ее то и дело совать нос в каждую дыру, в каждый угол корабля, надеясь что-нибудь стащить, она названа была Покером. У Покера были три черных как смоль пятна на белой морде – одно на носу, два других были ее глаза.

Домпс, задушевный друг Покера, назывался так за свое угрюмейшее выражение морды, какое когда-нибудь выпадало на долю собаки. Незлечимая меланхолия, казалось, овладела его рассудком, потому что он решительно никогда не улыбался, – ведь известно, что и собаки улыбаются, и так же явственно, как и человеческие существа, только не губами. Домпс никогда сам не играл, потому что он был стар, но снисходительно позволял своему другу Покеру резвиться вокруг него и смотрел на игру молодого товарища с видом какого-то угрюмого удовольствия. Покер был молод. Преобладающим цветом косматой шерсти Домпса был грязно-бурый с черными пятнышками, из которых два как-то неловко расположились вокруг его глаз, точно пара очков. Домпс был также вор, как и вообще все его собратья. Домпс и Покер были больше, сильнее и во всех отношениях лучше своих товарищей. Сверх того они были крепкими, тягучими и неутомимыми жокаками упряжки во многих трудных путешествиях по ледовитому морю.

В один прекрасный полдень, спустя несколько дней после только что описанного приключения с «Дельфином», Домпс и Покер отдыхали друг возле друга в углу палубы, украв огромный кусок свинины, который повар напрасно искал целых три четверти часа и обглоданную кость которого он нашел наконец в отверстии насоса на бакборте.

– Чтоб им пропасть, этим собакам! – воскликнул Давид Мизл, поглаживая свой подбородок, когда увидел кость. – Ну, если б я только знал, какая из них это сделала, я бы просто убил ее, изжарил на жаркое.

– Это Домпс. Я держу пари о месячном жалованье, что это его работа, – сказал Питер Грим, сидя на краю брашпиля и набивая свою трубку, которую он только что перед тем выкурил.

– Ну вот уж совсем не он, – заметил Эймос Парр, вивший на палубе канат и погруженный в свое занятие, между тем как несколько матросов сидели вокруг него и занимались починкой парусов, шлюпок и прочими делами.

– Совсем не он, Грим! Домпс слишком честен, чтобы даже подумать об этом. Это Покер сделал; вон у него и глаза ворочаются под веками. Он ведь не спит, подлец, он только притворяется.

Услышав свое имя, Покер, не трогаясь с места, ласково открыл свой правый глаз. Домпс, напротив, лежал, как будто клевета нисколько не относилась к нему.

– Я побьюсь об заклад, что это сделал Домпс.

– О чем? – закричал Дэви Соммерс, который в это время проходил по палубе с блюдом чего-то съестного, которое он нес в кухню.

– Я дам тебе подзатыльник, – сказал Мивинс.

– Не советую, – возразил Дэви, скаля зубы. – Ты заплатишься своей должностью, если только тронешь меня пальцем.

– Ай да молодец, ну-ка его! – закричали некоторые из матросов, между тем как малый смело наступал на своего начальника, не выходя, впрочем, из-за фок-мачты.

– Что ты хочешь сказать этим, молокосос, бездельник? – сказал Мивинс, нахмутив брови.

– Что я хочу сказать! – отвечал Дэви. – Гм... я хочу сказать, что если ты только тронешь меня, я брошу службу, а если я брошу службу, то и ты должен будешь бросить ее, потому что всякий знает, что ты не можешь служить без меня.

Говоря это, Дэви еще подался на один шаг и наступил при этом на лапу Домпса; вдруг из глотки этой превосходной собаки вырвался болезненный визг, который заставил Покера, как выразался повар, чуть не выпрыгнуть из кожи. Собаки необыкновенно симпатичны и чрезвычайно любознательны, – все собаки, находившиеся на корабле, услышав визг Домпса, не замедлили ответить на него воем и скоро выбежали из своих конур и со смущением осматривались вокруг.

– Эй, что там еще? – спросил Сондерс, который медленно, но широко шагал по кормовой палубе и мысленно спорил сам с собой за неимением лучшего противника.

– Это матросы стали бороться да и наступили на лапу Домпсу, сэр, – сказал Мивинс, догоняя его.

– Вы боретесь? – сказал Сондерс, шагая вперед. – Ну прекрасно, господа, вам так довольно пришлось поработать недавно, можете сойти теперь на лед и позабавиться немного.

Точно школьники после уроков, матросы вскочили на ноги, спрыгнули с борта и как сумасшедшие стали бегать по льду.

– Бросай мяч! Бросай мяч! – кричали они.

С борта брошен был мяч, и в одну секунду завязалась оживленная игра.

Дня через два «Дельфин» с трудом пробирался через ледяные поля, то дрейфуя на узкие перешейки и косы, преграждавшие ему путь из одного прохода или канала в другой, то с трудом пробиваясь через сплошную массу раздробленного льда, то прикрепляясь к огромной ледяной горе или полю. Как бы то ни было, он принужден был подвигаться к северу – на юге скопились льдины, так что отступать в этом направлении было невозможно до тех пор, пока лед не придет опять в движение. Капитан Гай, однако, заметил по непрерывному движению больших гор, что морское течение шло в этом месте на юг, и надеялся, что лед, который последней бурей загнан был в пролив, вскроется в непродолжительном времени и тогда можно будет пройти по нему. А тем временем он тщательно осматривал каждую бухту, каждый залив в надежде напасть на какой-нибудь след «Полярной звезды» или ее экипажа.

В описываемый нами день корабль был затерт огромными ледяными полями, белая поверхность которых расстилалась на север и на юг до самого горизонта, а на востоке темнели мрачные утесы, поднимавшиеся из середины глетчеров, которые загромождали их круглый год.

Был прекрасный арктический день. Солнце роскошно сияло с безоблачного неба, а прозрачный воздух, который переливался, как это случается иногда в жаркий день, наполнен был дикой музыкой целых тысяч чаек и других морских птиц – одни кучами покрывали соседние утесы, другие плавали под облаками. Ровную поверхность ледяных полей окаймляли тени от гор и холмов и пруды чистой воды, которая, как хрусталь, сверкала из впадин, между тем как прекрасная аквамариновая синева больших гор придавала нежный оттенок этой ослепительной красоте. Словами невозможно передать этот необыкновенный блеск. Каждая точка казалась алмазом, каждый край испускал лучи света, а ледяные массы отражали цвета радуги. Казалось, само солнце размножилось, чтобы еще больше увеличить этот ослепительный блеск, потому что оно окружено было «побочными солнцами» или созвездием пса, как это обыкновенно называют. Вид солнца был особенно поразителен. Огромное дневное светило стояло градусов на десять над горизонтом, так что горизонтальная плоскость белого цвета как раз пересекала его, простираясь по обе стороны его дальше на значительное расстояние, между тем как вокруг него было два ясно различаемых круга или кольца света. Внутренний круг составляли четыре лжесолнца, одно из них над солнцем, другое внизу, два других – по обеим его сторонам. Ветра не было ни малейшего, и маленький флаг неподвижно висел на верхушке мачты, а шумные и беспрестанные крики морских птиц вместе с веселыми восклицаниями и смехом матросов, неутомимо бегавших за мячом, оживляли эту прекрасную картину.

– А что, каково? – говорил Дэви Саммерс, остановившись перед товарищем и чуть переводя дух после быстрого бега за мячом, который кто-то бросил с необыкновенной силой.

– А! Да он черт знает куда залетит, – заметил О’Рили, вытирая пот, выступивший у него на лбу.

Нет надобности говорить, что О’Рили был ирландец. Мы не упоминали о нем до сих пор потому, что до этого времени он не сделал ничего такого, что бы отличало его от других матросов. Но в этот замечательный день звезда О’Рили достигла наибольшей высоты, и фортуна, казалось, избрала его предметом своего особенного внимания.

Это был низкий, плотный и, можно сказать, по преимуществу «грубый мужчина», угловатый во всех отношениях. Волосы его торчали жесткими и запутанными клоками и заставляли удивляться, как под шапкой может что-нибудь торчать. На месте бровей у него было бесчисленное множество постоянно изменяющихся морщин, которые придавали лицу его страдальческое выражение, тем более уморительное, когда знаешь, что у него нет ни тени страдания, хотя он часто говорил, что болен. Его костюм, как костюм старого моряка, был, естественно, небрежен, и он сам заботился о том, чтобы сделать его более небрежным.

– Ну и жарко ж, – продолжал он, принимаясь опять вытирать пот с лица. – Если бы не лед под нами, то, я думаю, мы раскисли бы, как куски китового жира.

– Что за прекрасная игра в мяч, не правда ли? – сказал Дэви, садясь на холм, все еще сильно запыхавшись.

– Уж именно прекрасная. За одно она мне только не нравится, что левая нога, которой бьешь мяч, никак не отскочит от тела.

– Дурак же ты, отчего ты не бросаешь его правой ногой, как другие? – спросил Саммерс.

– Отчего я не бросаю правой? Да я, право, и сам не знаю отчего. Отец мой потерял левую ногу в большом Нильском сражении, поэтому мне и приходило иногда на мысль, что все-таки служила ж она ему к чему-нибудь; потом моя мать совсем захромала на правую ногу, так что должна была ходить на костыле, поэтому я приучился действовать так, как видите.

– Смотри-ка, Пат, – воскликнул Саммерс, вскакивая, – мяч летит сюда.

Когда он говорил это, мяч летел по льду, слегка дотрагиваясь до его поверхности, по направлению к месту, где они стояли, и человек тридцать матросов с громкими криками как сумасшедшие бежали вслед за ним.

Здесь следует заметить, что экипаж «Дельфина» играл в футбол несколько иначе, чем играют в эту игру в Англии. Было, правда, разделение на партии, и обозначен был предел, но на эти второстепенные условия игры мало обращалось внимания. Швырнуть мяч ногой, обогнать товарищей, чтобы толкнуть его дальше, составляло гордость игрока. И если удар был таков, что мяч поднимался с земли и летел подобно пушечному ядру, то мало обращалось внимания на то, в каком направлении он брошен. Но, стараясь дать толчок мячу, игроки скоро рассыпались по полю, и мяч иногда падал между двумя игроками, которые бросались к нему вдруг с противоположных сторон. Неизбежным последствием этого бывало столкновение, вследствие которого оба останавливались. Но обыкновенно вследствие столкновения один из конкурентов падал навзничь, а другой давал толчок мячу. Если же противники были равносильны, то оба останавливались и между ними обыкновенно происходила схватка, в которой каждый старался подставить ногу другому. Для предупреждения насилия в такого рода схватках принято было за правило ни в каком случае не пускать в дело руки. Можно было сколько угодно действовать ногами, плечами, локтями, но не руками.

В этой грубой игре силы матросов были более равны, чем следовало бы ожидать, потому что меньшие превосходили высоких быстротой и ловкостью; и часто случалось, что дюжий малорослый малый так уделает иного великана, что тот плашмя падал на лед. Не всегда, однако, так бывало; немногие отваживались сталкиваться с Питером Гримом, ловкость которого соответствовала его необыкновенному росту. Боззби довольствовался тем, что бегал галопом вокруг и толкал мяч только тогда, когда судьба посылала его к нему. В таком бою его сторону держал жирный повар, упитанное тело которого не могло ни выдерживать толчков при столкновении, ни равняться с товарищами в быстроте бега. Но на своем месте Мизл был чрезвычайно энергичный человек, он часто толкал мяч с таким усердием, что совсем не попадал в него, и отчаянный взмах его правой ноги нередко поднимал с земли и левую и повергал его на спину.

– Смотри вперед! – закричал Грин, помощник плотника. – Корабль на всех парусах летит прямо на твой нос.

Мивинс, у которого мяч был перед носом, увидел своего сослуживца, бежавшего на него со злостным намерением. Он спокойно откатил упавший возле него мяч на несколько футов, потом швырнул его так, что тот взвился высоко над головой Соммерса, и, как антилопа, помчался вслед за мячом. Мивинс полагался на свою почти нечеловеческую быстроту. Его высокое, худое тело не могло выдерживать толчков товарищей, но зато в быстроте никто не мог с ним равняться; он очень искусно избегал столкновений, отскакивая в сторону и предоставляя своему противнику бежать в силу приобретенной скорости. В настоящую минуту ему угрожал толчок со стороны Питера Грима, бежавшего прямо на него.

– Берегись! – запищал Дэви Соммерс, заметив опасность, угрожающую его начальнику.

Мивинс прыгнул в сторону, чтобы избегнуть столкновения, позволяя Гриму пробежать мимо.

Грим, однако, знал своего противника: в одно мгновение он свернул в сторону и побежал за ним.

– От этого ветра не ожидай чего-нибудь доброго, – сказал матрос, к ногам которого подкатился мяч, спокойно толкая его в середину толпы.

Грим и Мивинс вернулись назад и некоторое время смотрели на всеобщую свалку. Казалось, что мяч неизбежно будет раздавлен столпившимися, каждый из которых наперерыв старался сообщить ему толчок, сбив своего противника. В продолжение нескольких минут этой свалки много ужасных ударов, направленных на мяч, пришлось по ногам игроков, и много веселых криков окончились болезненными стонами.

– Так не может продолжаться дольше! – кричал повар с лицом, сияющим веселостью, исходя потом и выплясывая вокруг свалки. – Вот он!

В это время мяч вылетел из круга, как граната из мортиры. К несчастью, он пролетел прямо над головой Мизла. Не успел он еще опомниться, как налетевшая толпа опрокинула его навзничь и промчалась по его телу, как горный поток по травяной былинке.

Между тем Мивинс опередил всех и толкнул мяч так, что чуть не разбил его; мяч пролетел между О'Рили и Гримом, которые были впереди всех. Грим бросился за ним.

– Я тебя, дюжая образина! – пробормотал ирландец про себя и бросился головой вперед на плотника, как стенобитная машина.

Как ни был велик Грим, но он отшатнулся, избегая стремительного толчка, и О'Рили, воспользовавшись случаем, догнал мяч и швырнул его в сторону от всех, исключая Боззби, который свирепо шагал по ледяному полю. Боззби, увидев, что мяч летит на него, уже начал собираться с духом, чтобы швырнуть его, но, заметив О'Рили, который мчался на него, подобно локомотиву, отскочил в сторону, спокойно бормоча сам себе: «Иди себе, голубчик своей дорогой, я слишком старая птица, чтобы подставлять свои бока под удар такого безумца, как ты».

Не такие мысли волновали Джека Мивинса. Ему случилось быть на таком же расстоянии от мяча, как и О'Рили, и он поскакал, как серна, чтобы догнать его первым. На его пути лежала небольшая полынья, и необходимость обежать ее давала ирландцу небольшой перевес, так что очевидно было, что оба соперника добегут до мяча в одно время и что, следовательно, столкновение неизбежно. Все остановились и с напряженным вниманием ожидали развязки. Два матроса, казалось, вот-вот столкнутся и убьются, как вдруг Мивинс прыгнул в сторону! О'Рили, как ракета, промчался мимо и полетел в полынью.

Эта неожиданная развязка вызвала всеобщий смех, смешанный с беспокойством; и все вдруг побежали к месту происшествия, но, прежде чем они добежали до него, голова и плечи О'Рили показались над водой, и когда они прибыли, матрос уже стоял на краю полыньи, отдуваясь, как морж.

– Ну да и холодно же! – воскликнул он, выкручивая свою одежду. – Эй! Где мяч, дайте мне бросить, или я замерзну.

Говоря это, измокший ирландец вырвал мяч из рук Мивинса и швырнул его высоко в воздух.

Он был, однако, слишком тяжел в своей измокшей одежде, чтобы бежать вслед, и потому побежал к кораблю, насколько позволяло ему его мокрое платье, сопровождаемый всем экипажем.

Глава VIII

Фред и доктор отправляются на экскурсию, где между другими редкостями встречаются красный снег и белого медведя. – Первый опыт охоты Фреда

Читатель, вероятно, спросит, где все это время были Фред Эллис и Том Синглтон.

Еще задолго до того, как началась игра в мяч, они получили от капитана позволение отлучиться и, взяв с собой охотничьи сумки, ботаническую коробку, геологический молоток и ружье, отправились вдоль морского берега на экскурсию. Молодой Синглтон, как страстный ботаник и геолог, нес ботаническую коробку и молоток, а Фред – сумку и ружье.

– Как вы видите, Том, – говорил Эллис, когда они шли по льдинам, – я большой любитель орнитологии, когда у меня на плечах ружье; но когда я без ружья, тогда, странно сказать, я не такой охотник до птиц.

– Это какой-то особенный взгляд на науку. А не правда ли, что было бы недурно, если бы вы по возвращении из путешествия изложили свой взгляд на науку и представили его какому-нибудь ученому обществу? Вас могли бы выбрать в члены общества, Фред.

– Да, я, может быть, так и сделаю, – отвечал Фред серьезно. – Но для того чтобы вышло что-нибудь порядочное, я думаю сначала запастись, насколько это возможно, энергией и сделать раскрашенные рисунки всех птиц, каких я только увижу в арктическом поясе. А потом уже я попробую сделать описание.

Фред окончил свое замечание вздохом, когда ему пришло на мысль, с какой целью он пустился в эти страны, и хотя свойственная молодости надежда шептала ему, что он может несильно беспокоиться о судьбе отца и позволяла ему веселиться вместе с другими, смеяться, шутить, играть, но бывали минуты, когда мужество изменяло ему и он отчаивался когда-нибудь увидеть отца, и это отчаяние стало чаще овладевать им с той минуты, когда он был свидетелем быстрого крушения неизвестного брига.

– Не унывайте, Фред, – сказал Том, спокойный и серьезный нрав которого нередко поднимал дух его молодого друга, – не унывайте. Это помешает вам предпринять что-нибудь дельное, притом же мне кажется, мы еще и не имеем никакого основания отчаиваться. Мы знаем, что отец ваш доходил до этого прохода или пролива, что у него был большой запас провизии, как это нам сказали в Уппернавике, и что не больше, как год тому назад, он был там. Много ведь китоловных кораблей и кораблей для открытий более года зимовало в этих странах. Притом, сообразите, сколько животной жизни вокруг нас. Они могли запастись провизией на многие месяцы задолго до наступления зимы.

– Все это так, – возразил Фред, качая головой, – но вспомните тот бриг, который на наших глазах погиб в какие-нибудь десять минут.

– Действительно, бриг погиб очень быстро, но все-таки, если бы кто-нибудь был тогда на борту, он имел бы достаточно времени спрыгнуть на лед, а до берега добраться также нетрудно было, перепрыгивая с одной льдины на другую. Это и случалось нередко с путешественниками. Сказать правду, когда мы на земле, мною овладевает надежда, доходящая почти до уверенности, что мы встретим вашего отца, идущего со своей командой на юг, к датским поселениям.

– Может быть, вы и правы. Дай бог, чтобы предчувствия ваши оправдались.

Разговаривая таким образом, они подошли к неподвижному льду, который, как широкая полоса твердого белого мрамора, лежал вдоль подножия стремнины. На нем разбросано было несколько огромных камней, из которых некоторые достигали нескольких сот тысяч пудов, один из них замечательным образом держался в равновесии на верхушке клира.

– Вон какая-то необыкновенно странная чайка, как бы мне хотелось убить ее! – воскликнул Фред, указывая на птицу, кружившуюся над его головой, и снимая с плеча ружье.

– Ну и стреляйте, – сказал его друг, отступая шаг назад.

Фред, не привыкший обращаться с огнестрельным оружием, нерешительно прицелился и выстрелил.

– Какой оглушительный гром! Эх, черт возьми, промахнулся!

– Стреляйте еще раз, – заметил Том со спокойной улыбкой; между тем бесчисленная стая птиц, испуганных выстрелом, поднялась с утеса и наполнила окрестность оглушительными криками.

– Я полагаю, – сказал Фред, комически улыбаясь, – что, стреляя закрыв глаза, никак нельзя попасть в цель. Но мне ужасно хочется иметь эту птицу – очень красивая! А, вон она сидит на утесе.

Фред стал подкрадываться к желанной птице; он припал к земле и пополз к дичи, осторожно пробираясь между утесами и кусками льда; тщательность, с которой он все делал для того, чтобы приобрести себе морскую чайку, свидетельствовала о его терпении и будущем успехе. Наконец он подкрался к ней ярдов на пятнадцать и, положив ружье на кусок льда, стал так долго целиться, что его другу показалось, что он заснул; затем последовал выстрел, который разбил чайку в мелкие куски.

Фред мужественно выдержал это поражение и неудачу. Он решился сделаться хорошим стрелком, и хотя это и не удалось ему в этот день, но все-таки он успел положить в сумку несколько чаек и одну птицу, имевшую маленькое коренастое туловище и большой, довольно забавный клюв.

Ученые изыскания Синглтона были также успешны. Он нашел несколько хороших зеленых мхов; один вид этого растения усеян был желтоватыми цветами, а в одном месте, у потока, который бежал по крутому скату утеса, он нашел растительность, богатую разнообразием цветов. Между прочими травами разного рода можно было видеть маленький пурпурный цветок и белый цветок мокрицы. При виде всего этого богатства растительности на таком маленьком клочке земли, окруженном снегом, и в такой холодной арктической среде, пришел бы в восторг человек и с меньшим энтузиазмом, чем наш молодой лекарь. Он был в восхищении и наполнил свою коробку осколками утеса и мхами до того, что она едва могла вмещать в себе все это и сделалась ношей, стоившей ему нескольких вздохов, пока он дотащил ее до корабля.

По его исследованию оказалось, что утес состоит главным образом из красного песчаника. Было также довольно диорита и гнейса. Вершины некоторых утесов, поднимавшихся на значительную высоту, были особенно поразительны и живописны.

Но самым замечательным явлением, поразившим их во время этой экскурсии, было то, которое неожиданно открылось перед их глазами, когда они обошли один мыс. Они с удивлением остановились. Перед ними была картина, которую можно видеть только в арктическом поясе.

На первом плане представлялся широкий пролив, который сразу открывался в этом месте и загроможден был плавучими льдинами, ледяными полями, холмами и горами всевозможных форм и размеров, до самого горизонта, особенный вид которого показывал присутствие свободной от льда воды. Ставы различных размеров и пространства воды, которые, по их величине, можно назвать озерами, осыпали блесками белую поверхность плавучих льдин; а вокруг этих последних играли бесчисленные стаи диких птиц, из которых многие, будучи чистого белого цвета, точно снег, блестели на солнце. Далеко на запад лед с утомительным однообразием расстилался плоскостью в уровень с поверхностью воды. Направо находится целый ряд утесов, мрачный и величественный вид которых внушал невольный страх. Они были от полутора до двух тысяч футов высотой, и некоторые из них круто поднимались на несколько сот футов над морем, на которое они бросали темную тень.

У самых ног наших молодых исследователей, – потому что так их по справедливости следует назвать, – тянулся глубокий залив или долина, большая часть ее занята была глетчером, поверхность которого покрыта была «розовым снегом». Можно себе представить, с каким чувством молодые люди смотрели на эту прекрасную картину. Казалось, эта долина была не частью бесплодной области арктического пояса, а одной из южных тропических стран, потому что румянец пылал на этом снегу, как будто солнце разлило по нему свои самые розовые лучи. Немножко далее к северу, за исключением некоторых мест, красный снег кончался, а за ним видна была трещина между утесами, в середине которой возвышалась каменная колонна, такая прямая и цилиндрическая, как будто она была произведением искусства. На юге вся страна представляла поверхность одного огромного глетчера, и если в скалах случалась расселина, то этот океан наземного льда выдвигался в море, куда он постоянно посылал огромные ледяные горы.

– Что за прекрасная картина! – воскликнул Том Синглтон, не выдержав наконец, чтобы не выразить своего удивления словами. – Я не предполагал, чтобы мир наш заключал в себе подобные картины. Это далеко превосходит мои самые дикие мечты о волшебной стране.

– Волшебная страна! – воскликнул в свою очередь Фред. – Знаете ли, с тех пор, как я прибыл в эту часть земного шара, я пришел к заключению, что волшебные сказки не вымысел. Эта действительность в тысячу миллионов раз величественнее того, что когда-нибудь было вымыслено фантазией. Но что меня изумляет более всего, это красный снег. Скажите, какая может быть причина этого явления?

– Не знаю, – ответил Синглтон, – это служило долгое время предметом споров между учеными. Но мы должны его сами хорошенько рассмотреть; итак, идем.

Замечательный цвет снега в период посещения «Дельфином» арктических морей был предметом спора, который решен в настоящее время. Его приписывают странному микроскопическому растению, которое не только покрывает поверхность льда, но и проникает нередко внутрь на несколько футов. Прежние мореплаватели, открывшие красный снег и впервые рассказавшие удивленному миру, что вещество, с которым обыкновенно соединяют понятие о самой чистой и самой блестящей белизне, они видели красным, приписывали это явление бесчисленному множеству мелких существ, принадлежащих к отряду радиата. Но открытие красного снега между центральными европейскими Альпами, в Пиренеях и на горах Норвегии, где морские животные не могли существовать, совершенно опровергло это предположение. Красящее свойство приписывается теперь растениям, принадлежащим к группе организмов, называемых водорослями, отличающихся замечательной живучестью и способностью расти и размножаться с изумительной быстротой даже на такой бесплодной почве, как арктические снега.

Между тем как Синглтон рассматривал красный снег, напрасно стараясь определить природу едва приметных пятнышек, окрашивавших его, Фред продолжал задумчиво смотреть на колонну, которая была покрыта густым облаком тумана, почти закрывавшего ее от глаз. Наконец Фред обратил на нее внимание Тома.

– Я почти готов верить, что эта колонна не произведение природы, а монумент, поставленный здесь для того, чтобы привлекать внимание кораблей.

Синглтон пристально посмотрел на колонну.

– Не думаю, Фред, она гораздо больше, чем вы предполагаете; вы не можете за туманом видеть ее всю. Подойдем лучше к ней и посмотрим вблизи. До нее, должно быть, недалеко.

Когда они подошли к высокому утесу, туман рассеялся и тогда им стало ясно, что колонна была настоящим произведением природы. Это был столб зеленого известняка, уединенно стоящий на краю глубокого ущелья и испещренный аспидным известняком, который когда-то покрывал его. Колонна была, по-видимому, футов в пятьсот вышиной, а песчаниковый пьедестал, на котором она стояла, – около двухсот футов.

Эта величественная колонна казалась башней гигантской хрустальной крепости, которая сразу открылась взору путешественников, как только туман отодвинулся к северу. Это был фасад огромного глетчера, который выдвигал свое перпендикулярное чело в виде хрустальной стены в триста футов высотой над уровнем моря и бог знает сколько ниже его. Солнце сияло на утесах, пиках и стальных зубцах этой ледяной крепости, как будто таинственные обитатели далекого севера зажгли свои огни и выставили артиллерию для защиты от неприятельских нападений.

Чувство, испытанное молодыми людьми, которым, может быть, первым пришлось увидеть эту картину ледовитых стран, не всякий может понять. Долго они были не в состоянии произнести ни одного слова, и напрасно пытался бы я передать тот язык, которым они, наконец, старались выразить свои чувства. И только тогда, когда колонна и крепость остались позади и мыс совсем закрыл от их взоров долину красного снега, они могли возобновить разговор об обыкновенных предметах.

Когда они возвращались к кораблю, быстро переходя с одной льдины на другую, вдруг раздался громкий гул, который эхо разнесло по всему берегу.

– Это выстрел! – воскликнул Том Синглтон, поспешно вынимая из кармана часы. – Ба! Знаете ли, который час?

– Я думаю, что не рано. Когда мы были у утеса, тогда, я знаю, был полдень, а с тех пор прошло, должно быть, немало. Какой час в самом деле?

– Ровно два часа утра.

– Как! Неужели же мы стояли у утеса вчера и проходили всю ночь, и завтра наступило так, что мы и сами не заметили?

– Да, так и случилось, Фред. Мы запоздали, и капитан подает сигнал, чтобы мы скорее возвращались. Он сказал, что он не будет стрелять до тех пор, пока не заметит, что лед тронулся; поэтому мы должны прибавить теперь шагу, а то как бы корабль не ушел без нас; идем скорей.

Не прошли они еще и полмили, как полярный медведь показался из-за глыбы льда, за которой он только что позавтракал тюленем, и теперь медленно шел по направлению к морю, к ледяной горе, не более как в ста ярдах перед ними.

– Смотрите, смотрите, что за чудовище! – сказал Фред, взводя курки и выступая вперед. – Жаль, что у вас нет ружья, Том, вам нечего будет делать.

– Ничего, я буду действовать молотком. Смотрите только, не дайте промаха. Не стреляйте, пока не подойдете к нему.

Они погнались за ним, но скоро подошли к огромной трещине, футов в тридцать шириной и в милю длиной по обе стороны от них.

– Эх, проклятая трещина!

Это было действительно неприятно, и выражение уныния, появившееся на лице Фреда, когда он говорил это, показывало, что он говорил то, что думал; хотя, без всякого сомнения, это препятствие к дальнейшему преследованию зверя было для них величайшим счастьем, потому что нападать на полярного медведя с ружьем, заряженным мелкой дробью, и с геологическим молотком было бы таким же благоразумным и успешным делом, как одному человеку силиться удержать локомотив. Ни один из них не испытал еще необыкновенной силы этого белого царя ледовитых стран и его живучести, хотя оба они довольно легкомысленно решились броситься на него с тем оружием, какое им случилось иметь.

– Стреляйте в него отсюда, скорей! – кричал Синглтон.

Фред выстрелил; медведь остановился и оглянулся, как будто хотел сказать: «Вы мне что-то говорите, господа?» Потом, не ожидая ответа, он с достоинством пошел своей дорогой и скрылся между ледяными холмами.

Через час они сидели за завтраком в каюте «Дельфина», рассказывая о своих приключениях капитану и лейтенантам и помимо воли Мивинсу, который, занимаясь каким-то таинственным делом в своей маленькой кладовой, ухитрился так поместиться, что большая часть разговора в каюте доходила до его ушей, а оттуда переходила на форкастель. Хотя капитан и знал об этом, но он только улыбался про себя и не мешал Мивинсу слушать, когда разговор шел о каких-нибудь пустых предметах. Если же случалось, что речь шла о каких-нибудь важных делах, тогда дверь каюты затворялась; в подобном случае Мивинс обращался к Дэви Соммерсу, который, обладая чрезвычайно тонким слухом, был совершенно необходим для удобства жизни почтенного баталера.

Когда Фред и Том кончили завтрак и рассказ о своих странствованиях, им сообщили, что Митэк, эскимосский переводчик, взятый на корабль в Уппернавике, убил в их отсутствие медведя и двух тюленей, что лед идет к западу и что он, по всей вероятности, вскрыется с отливом. Подумав немного об этом, они, как бы сговорившись, зевнули и отправились спать.

Глава IX

«Дельфин» затирается льдом. – Приготовление к зимовке во льдах. – Кодекс законов капитана Гая

Теперь случилось происшествие, которое решило судьбу «Дельфина» и его экипажа, по крайней мере на эту зиму. Он сел на мель близ вышеупомянутой гигантской колонны и окончательно был затерт льдинами, выбиться из которых не было никакой возможности и в которые он в скором времени совсем вмерз.

Экипаж, увидев в первый раз красный снег, был крайне изумлен, и некоторые из более суеверных смотрели на него со страхом, граничившим с ужасом. Но скоро их внимание привлекла удивительная колонна.

– Черт меня побери, – воскликнул О’Рили, лишь только завидел ее, – черт меня побери, если не здесь наконец Северный полюс, – это верно!

Смех, вызванный этим замечанием, скоро был остановлен, отчасти торжественностью раскрывавшейся перед ними величественной картины, а отчасти потому, что некоторые из малосведущих склонны были согласиться с предположением О’Рили.

Но их внимание скоро было обращено на опасное положение корабля, который неожиданно остановился на мели в заливе, и, прежде чем они смогли выбуксировать оттуда, вокруг скопился лед и опоясал его плотной, неподвижной массой. Сначала это неприятное происшествие не особенно огорчало капитана Гая; он досадовал только, что принужден промедлить здесь некоторое время, между тем как лето приближалось к концу, а ему хотелось возвратиться в Баффинов залив на китовую ловлю. Но проходил день за днем, а лед, окружавший корабль, был все неподвижен. Капитан начал сильно беспокоиться и всеми средствами, бывшими в его распоряжении, старался выпутаться из засады.

Обстоятельство, случившееся через неделю после того, как он засел во льдах, сделало его положение еще более печальным. Главная льдина в проливе поднялась и потянула к югу, оставляя за собой сравнительно чистое море, по которому без большого затруднения можно было пройти по любому направлению; но плотная масса льда, в котором засел корабль, крепко пристала к земле, отделяя его от чистой воды пространством ярдов в пятьдесят, и пока он стоял на месте, кораблю не было никакой возможности выйти в чистое море.

– Достаньте пороху и цилиндров, мистер Болтон, – сказал капитан в одно утро после завтрака, – я хочу попробовать, не выйдет ли что-нибудь, если взорвать лед. Завтра будет наибольший прилив, и если корабль не двинется с места, то мы...

Не окончив фразы, он повернулся и ушел. Он нашел Боззби и нескольких матросов, занятых приготовлением ледяных пил.

– Да-да, – бормотал старший лейтенант, спускаясь вниз, чтобы сделать нужные распоряжения. – Незачем вам оканчивать свою речь, капитан. Если мы не тронемся завтра, то мы будем заключены здесь по крайней мере на одну зиму, если не больше.

– Да! А завтра нам не выбраться отсюда, – заметил, качая головой, Сондерс, сидевший за путевой книгой, в которую он записывал что-то. – Мы крепко-накрепко заперты здесь, и нам нужно сделать все, что только мы в силах сделать, чтобы освободить корабль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.